

БЕРСЕНЕВА

Анна

Совокупный тираж автора – 5 000 000 экз. Экранизированы 15 романов

СЕТИ ВЕРОНИКИ

«За каждым персонажем Анны Берсеновой стоит судьба. Иногда драматическая. Но ее тяготы не озлобляют героя. Он не утрачивает душевной щедрости, готов прийти на помощь любому, умеет разглядеть дарование в людях, предан своему делу...»

Игорь Ясулович, актер

Совпадения

Анна Берсенева
Сети Вероники

«Анна Берсенева»

2022

УДК 821.121.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Берсенева А.

Сети Вероники / А. Берсенева — «Анна Берсенева»,
2022 — (Совпадения)

ISBN 978-5-17-147638-0

Родные люди, давно исчезнувшие во мраке времени, влияют на нас гораздо больше, чем мы считаем. Правда, думать о таких отвлеченных вещах тридцатилетняя Алеся не успевает. Она приезжает в Москву из городка на Полесье, работает медсестрой в больнице, у нее едва хватает сил, чтобы содержать оставшуюся дома семью. Но прошлое проступает в Алесином характере, а значит, и в каждом поступке. Даже выбор профессии не случаен – ее прабабушка Вероника стала медицинской сестрой в годы Первой мировой войны. Юной Веронике была присуща ясность ума и жизненных правил. Они и определили главный выбор, который она сделала в своей жизни, полной опасностей, отмеченной большой любовью. Перед жестким выбором оказывается и Алеся в яркой, суровой и ошеломляющей возможностями современной Москве.

УДК 821.121.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147638-0

© Берсенева А., 2022
© Анна Берсенева, 2022

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Анна Берсенева

Сети Вероники

© Сотникова Т., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть I

Глава 1

Платформа была такая, на которую каждый хотя бы раз в жизни приезжал летом вечерней электричкой.

Но очень давно уже Алеся не оказывалась на дачных платформах, которые и названия даже не имеют, просто написано «71-й километр» или что-нибудь такое. Маргарита была ее первой настоящей московской подругой, у которой есть настоящая московская дача. Именно дача в старом дачном поселке, а не дворец за двухметровым забором. Подруг с дворцами у Алеси, правда, тоже не было, но таких ей было и не надо, а Маргаритиной дружбой она дорожила. И на даче у той оказалось хорошо – очень просто, даже бестолково, но бестолковость Алеся любила тоже. Если не по работе, конечно.

Мама у Маргариты была старенькая и прозрачная, как фиалка, вложенная между страницами книги. Рано утром она читала по-итальянски, сидя в плетеном кресле на веранде, а когда проснулись Алеся и Маргарита, сварила им кофе в медном кофейнике. Алеся думала, такие кофейники бывают только в стихотворении Маршака про старушку и пуделя.

На этой даче цвели мальвы, как у бабушки в Багничах. Открыв утром окно, Алеся вспомнила, что в детстве делала мальвовых принцесс, насаживая на спички цветы вместо платьев и нераспустившиеся бутоны вместо головок в коронах. Очень красивые принцессы получались, розовые и малиновые. Бабушка сердилась, что внучка цветы обрывает, но сердилась все-таки не очень, мальвы-то вдоль загороди стояли вереницей.

В общем, два дня, которые Алеся провела в Мамонтовке, были прекрасны. Не только потому, что спала как убитая и отдохнула, как в отпуске, но потому что все очень просто было в скрипучем старом доме под березами и соснами, и от этого нисходил на душу покой. От простоты Алеся в Москве отвыкла.

Маргарита хотела проводить ее до электрички, но она отказалась: собирался дождь, и если к платформе еще можно успеть до него, то вернуться обратно Рита не успеет точно.

Электричка все не приходила. Открыв в телефоне приложение, Алеся обнаружила, что ее отменили, а следующая будет через полчаса.

Она села на лавочку под навесом. И почему было заранее не глянуть? Людей на платформе почти нет – видимо, многие оказались предусмотрительнее.

– Берите ежевику! – услышала она хриплый голос. – Самая полезная ягода, шлаки выводит из организма.

Повернув голову, Алеся увидела, что рядом с навесом топчется алкашка, которую она встретила по дороге к платформе. Пятнадцать минут назад та попросила у нее сигарету и осталась недовольна, что девушка некурящая – какие все зожники стали! А теперь, значит, вывод шлаков пропагандирует.

– Никаких шлаков в организме нет, – ответил мужчина, которому алкашка протягивала банку с ежевикой.

Алеся посмотрела на него с интересом. Человека, знающего это, она последний раз видела в медицинском колледже, он был куратором ее группы. То есть и в больницах, где она работала, тоже, конечно, нашлись бы такие люди, но на работе речь о шлаках как-то не заходила.

– Как же нету! – хмыкнула алкашка. – Едим-то мы что? Пальмовое масло. Берите, мужчина, берите ягоду, не пожалеете. В ней вся таблица Менделеева.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся он. – Вдоль шоссе собирали? Ладно, давайте. Только вместе с банкой.

Та с готовностью сунула ему банку, выхватила у него из рук деньги и припустила по лесенке вниз с платформы – к магазину, конечно.

На вид человек интеллигентный. И не похоже, что ему нужны ягоды, собранные у шоссе. Он сел рядом с Алесей на лавочку. Она чуть не спросила, зачем он купил ежевику, но не спросила, конечно.

– Смешно? – Он покосился на нее. – Ну да, приобретение не из ценных. Но не обязательно же это съедать.

– А зачем тогда купили? – все-таки поинтересовалась Алесья.

Как это он заметил, что ей смешно? Она и не улыбалась даже.

– Просящему у тебя – дай, – объяснил он. – Я не религиозен, но это одна из тех библейских максим, с которыми готов согласиться.

«Если каждому давать, поломается кровать», – вспомнила она детсадовскую поговорку.

Но тут же поняла, что у самой так всегда и выходило: если что-нибудь просили прямо у нее, то отказать не получалось. Хотя в любых других случаях она руководствовалась здравым смыслом.

– А вообще-то ничего себе ежевика. – Он высыпал из банки несколько ягод на ладонь, а потом отправил в рот. – Спелая. Угощайтесь, если таблицы Менделеева не боитесь.

Алесья засмеялась и тоже подставила ладонь. Собеседник не был похож на сухую фиалку, но все-таки напоминал Маргаритину маму. Не исключено, что узкая книга, которая выглядывает из кармана его куртки, итальянская.

– Электричку отменили, – на всякий случай сообщила Алесья.

Может, он приложениями не пользуется, все-таки не очень молодой.

– Да, я по дороге посмотрел, – кивнул он. – Но с полпути возвращаться уже смысла не было.

– Из Мамонтовки шли?

– Прямо за вами.

– Я в гости приезжала, – зачем-то сказала она. – К подруге.

– Да, я понял, что вы не наша. Не мамонтовская, в смысле. Игорь Павлович, – представился он.

Хорошо, что сразу с отчеством – может, клеиться не намерен. Ничего отталкивающего в нем нет, и глаза умные, но было бы неприятно, если б стал приставать. Лет ему за пятьдесят уже, наверное, и для чего она такому? Поднять самооценку, больше ни для чего.

– Алесья, – ответила она.

– Ух ты! Как у Куприна. Из Украины?

– Из Беларуси. У Куприна Олеся через «о», а я через «а».

– А полное имя как будет?

– Так и будет.

– Вы из Минска?

– Из Пинска. Это в Брестской области. Полесье.

– И давно в Москве? Извините, – оговорился он. – Отвечать не обязательно.

Конечно, не обязательно. Но видно же, что ему действительно интересно, и человек приличный – почему не ответить?

– Год. Я медсестра.

– В поликлинике работаете?

– В больнице.

– То есть слухи, что у вас там в Беларуси советские молочные реки текут в кисельных берегах, сильно преувеличены?

– А с чего бы я сюда приехала, если бы так? – усмехнулась она.

– Это я риторический вопрос задал, конечно.

– А я вам риторически ответила.

Он промолчал, но посмотрел на нее с приязнью и придвинул к ней поближе банку. Алеся насыпала ежевики себе в горсть. Игорь Павлович доел остальную.

– Алеся, а капельницы вы умеете ставить? – спросил он.

– Это тоже риторический вопрос?

– Во времена моей молодости такой вопрос медсестре – да, был бы риторическим. А теперь нет. Хотя для вас он и обиден, может быть.

Она чуть было не сказала, что на обиженных воду возят, но все-таки ответила:

– Умею.

Да и на что обижаться? Во-первых, он ее вообще не знает, а во-вторых, неизвестно, как во время его молодости, а в настоящее время не все медсестры умеют даже внутривенные уколы толком ставить, тем более капельницы.

– Тогда вас послал мне счастливый случай, – сказал он.

– Да? А вдруг я про капельницы вру?

– Думаю, нет.

– Почему вы так думаете?

Алесю разобрало любопытство.

– Интуитивно. К тому же и толика мистики, которая во мне все-таки есть, подсказывает, что это должно быть правдой. Про толику мистики Алеся не поняла, и он, наверное, об этом догадался, потому что пояснил: – Медсестра, которая приходит к моей маме, полчаса назад позвонила и сообщила, что уезжает на неделю и сегодня не придет. Я еду в город, лихорадочно размышляя, где мне срочно найти медсестру, которая умеет ставить капельницы. И встречаю эту медсестру на платформе электрички. Таким совпадениям стоит доверять, по моему. Потому я думаю, что вы не врете и что вы хорошая медсестра.

– Ну да, неплохая, – кивнула Алеся.

А что ей скромничать? Не замуж выходит. Хотя чтобы замуж выйти, скромничать тем более ни к чему.

– Сможете маме капельницу поставить? – спросил он. – Хотя бы сегодня.

– А назначение от врача есть?

В таких делах Алеся была щепетильна. Мало ли что внешность у этого Игоря Павловича располагающая. Недавно она прочитала документальную книгу про Агнессу, жену сталинского чекиста. И больше всего ее поразила фотография Агнессиного мужа – лицо хорошее, взгляд умный и печальный. Такому то ли на скрипке играть, то ли детей в школе учить. А он людей без счета расстреливал, и сон у него после работы, Агнесса эта вспоминает, крепкий был.

– Назначение покажу, – кивнул Игорь Павлович. – Подписи, печати. Лекарства в аптечной упаковке.

– Я вам тоже паспорт покажу, – сказала Алеся. – И свой рабочий пропуск в больницу.

– Конечно.

Все-таки с москвичами легко. Может, они и холодные, и чересчур прагматичные, но зато никогда не почувствуешь себя неловко. Да – да, нет – нет, всё прямо говорят, и никаких обид и недоразумений.

Дождь наконец начался, под навес сразу набежали люди, и к подошедшей электричке все бросились толпой, чтобы поменьше промокнуть. На краю платформы Игорь Павлович крепко взял Алеся под руку, чтобы ее не столкнули в почти метровый зазор между платформой и вагоном. Внутри вагона пройти было уже невозможно, и всю дорогу до Москвы они стояли в тамбуре, глядя в исхлестанное дождем окно и разговаривая о всяких неважных, но интересных вещах.

С Ярославского вокзала Игорь Павлович предложил сразу ехать к нему, чтобы и капельницу маме поставить сразу, и Алеся согласилась.

Глава 2

Переулок в пяти минутах от метро «Курская» назывался Подсосенский. Алесе нравились такие названия. Вернее сказать, они ее завораживали, и не столько старинностью, сколько необъяснимостью. В Пинске названия старых улиц понятные, в Минске тоже, а в Москве многие называются по каким-то странным приметам.

Алеся подумала, что этот переулок был Подсосенским всегда, но оказалось, вовсе нет.

– В двадцатые годы переименовали, – сказал Игорь Павлович. – Раньше Введенским назывался, по церкви Введения под Сосенками, вон она стоит. А после революции только сосенки от названия оставили. В свете борьбы с религией.

Дом за чугунной решетчатой оградой тоже не выглядел особенно старым. Очень уж прямолинейный, строгий, без украшений; под сосенками таких домов не строили точно. Но все-таки и чересчур добротный для того, чтобы считать его современным. Потолки в подъезде высоченные, и лестница широкая.

– Дом во время нэпа строили. Это и по стилю понятно – классический конструктивизм, – объяснил Игорь Павлович, когда Алеся сказала про лестницу. – Для советской респектабельной интеллигенции. Сталин своему личному врачу в первом подъезде квартиру подарил. А вот здесь раньше скамеечка стояла между вторым и третьим этажами. В этой нише. Я ее помню еще. Чтобы можно было отдохнуть, если подниматься устал. В детстве очень удивлялся: как это два этажа пройти и устать?

Теперь уже не удивляется, конечно. Но все-таки он поджарый, быстрый и на третий этаж поднялся легко.

В квартире было тихо и как-то сонно. Алеся умела различать жилье, в котором нет молодых людей, это было как раз такое.

– Ты, Игореша? – раздался голос из дальней комнаты.

– Да, мама, – крикнул Игорь Павлович. – Лежи, не вставай. Ванная вон там, – сказал он Алеся. – Мойте руки и приходите в мамину комнату.

В ванной Алеся поняла, что квартира эта очень хорошо отремонтирована, то есть ремонт в ней совсем не заметен: ощущения старческой замызганности нет, но и новодела не чувствуется тоже. Что можно было сохранить, то сохранили, а что пришлось заменить – ванну, краны, – то заменили в схожем стиле.

Моя руки, Алеся посмотрела в зеркало. Собственный взгляд показался ей растерянным, чуть ли не испуганным. Хотя что особенного происходит? Не раз ведь делала платные уколы на дому, как и любая медсестра.

Она поколебалась, какое полотенце взять, и взяла свежее из тех, что стопкой лежали на полке в углу.

– Вот, мама, – сказал Игорь Павлович, когда она вошла в комнату и поздоровалась. – Это Алеся, сегодня она тебе капельницу поставит.

– Спасибо, Алеся. – Старушка улыбнулась. – А то я уже и сама переполошилась, что день пропущу, и сына переполошила. Как курица. Меня Ирина Михайловна зовут.

Она была полная, рыхлая и сидела в подушках на широкой кровати. Но выглядела ухоженно, даже волосы были тщательно покрашены в естественный русский цвет.

Между кроватью и стойкой для капельницы лежали на тумбочке аптечные коробки.

– А можно назначения ваши посмотреть, Ирина Михайловна?

Алеся улыбнулась, произнося это. Таких пациенток она различала сразу. Они действительно готовы переполошиться из-за любой ерунды чуть не до обморока, но так же легко успокаиваются, как только видят уверенность и доброжелательность. Доверчивы они до детскости, и это доставляет им немало бед. Но Алеся такая доверчивость всегда нравилась. Обманывать

она никого ведь не собирает, а если человек доверчивый, то он и не лезет с занудными расспросами, и очень удобно не рассказывать перед каждым уколом, не был ли твой отец алкоголиком и какие отметки у тебя были в медицинском колледже.

Капельницы были назначены в поликлинике, лекарства такие, которые Алесья и сама бы назначила для поддержания сердечной деятельности. Ничего особенного, в общем. Если есть во всем этом странность, то лишь в том, почему Игорь Павлович не вызвал медсестру из любой платной службы, которых по Москве миллион с хвостиком.

– Я и сам переполошился слегка, – сказал он.

– Нет-нет, это именно я тебя переполошила! – возразила Ирина Михайловна. – Сам ты не склонен паниковать, и правильно.

– Но Алесья действительно квалифицированная медсестра. – В его голосе не слышалось ни отзвука сомнения. – Так что моя паника оказалась кстати. Неизвестно, кого бы я второпях в интернете нашел.

– Капельницы хорошо переносите? – спросила Алесья.

– Прекрасно, – ответила Ирина Михайловна. – Нет никакой необходимости ложиться в больницу!

«Значит, предлагали», – поняла Алесья.

И сразу пожалела, что согласилась ставить капельницу на дому. Даже не пожалела, а испугалась. Неизвестные люди, и кто знает, что у них на уме... – Давайте давление померяем, – сказала она.

– Сто шестьдесят на восемьдесят, – сразу же откликнулась Ирина Михайловна. – Это мое рабочее.

– Сто шестьдесят не должно быть рабочим, – заметила Алесья. – Что вы принимаете?

Давление именно таким и оказалось, и пока старушка перечисляла свои лекарства, Алесья подготовила капельницу. Когда ставила ее, Игорь Павлович смотрел, как она это делает. Мама называла это «над душой стоит» и терпеть не могла, но Алесья еще в колледже к этому привыкла, и сразу после учебы, когда начала работать в больнице, каждое ее движение оставалось под контролем. А как иначе? Случись что, кто кому будет объяснять, что медсестра была неопытная?

Вены у Ирины Михайловны оказались плохие, но Алесе попадались и похуже.

– Чаю выпьете, кофе? – предложил Игорь Павлович, когда капельница была поставлена.

– Нет, я здесь послежу, – отказалась Алесья.

Мало ли какая у больной окажется реакция. Лучше не отходить ни на шаг. Об этом она, правда, говорить ее сыну не стала.

– Я сюда и принесу, – сказал он. – Так чай или кофе?

Алесья думала, придется без умолку беседовать с Ириной Михайловной. Но та свободной от капельницы рукой взяла с тумбочки книгу и погрузилась в чтение.

Игорь Павлович принес себе чай, а Алесе эспрессо. Как гудела кофейная машина, не было слышно из-за того, что квартира большая и стены, наверное, толстые.

Она не говорила, что любит именно эспрессо, но уже не удивилась его догадливости.

– Куда вы ходите в Москве? – спросил Игорь Павлович, садясь в кресло в углу.

– Много куда, – ответила Алесья.

– Так моя внучка всегда отвечает. – Он улыбнулся. – Что ты сегодня делала? Много чего. Куда ты ходила гулять? Много куда. Ей пять лет.

– Мне тридцать. – Алесья улыбнулась тоже. – Ходила в Третьяковку на выставку Мунка. Это неделю назад. А потом на работу только.

– На Мунка долго стояли?

– В интернете билеты взяла, день и время указаны. Я же по графику работаю, могу заранее рассчитать.

– Понравился Мунк?

– Очень.

– Вообще-то странно.

– Почему? – удивилась Алеся.

– Он довольно болезненный художник, по-моему. А вы – наоборот.

Себя Алеся болезненной, конечно, не считала, ни в смысле физического здоровья, ни в том смысле, который имел в виду Игорь Павлович. Но разве человеку должно нравиться только то, что свойственно ему самому?

– Разве человеку должно нравиться только то, что свойственно ему самому? – оторвавшись от книги, сказала Ирина Михайловна.

Алеся посмотрела на нее почти с опаской, но спохватилась и спросила:

– Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно, хотя в сон клонит, – ответила та.

– Так и должно быть, – кивнула Алеся. – Можете подремать. Мы тихо посидим, не будем вам мешать.

– Вы не мешаете. Читать мне вообще не мешает никто и ничто.

Она снова взяла книгу с одеяла.

– Я вас не обидел, Алеся? – спросил Игорь Павлович.

– Чем?

– Что сказал о вас и о Мунке. Неприятно, когда тебя оценивают. Даже если оценка положительная.

– Я и так знала, что вы меня оцениваете, – пожала плечами Алеся. – И я вас тоже. Вы же незнакомого человека с улицы в дом привели. И я к незнакомым людям пришла, капельницу ставлю. Конечно, мы друг друга оцениваем, ничего особенного.

– Не знаю, как меня, а вас оценить не сложно. Ошибки, конечно, бывают, но все-таки я был бы очень удивлен, если бы оказалось, что в вас таятся бездны.

Он смотрел внимательно, и в его спокойных карих глазах никаких бездн не таилось.

– Это потому что у меня глаза такие? – вздохнула Алеся. – Мне все говорят.

– А они на самом деле не такие?

– Это же ничего не значит. Просто окраска радужной оболочки.

– Но впечатление создают определенное.

Он улыбнулся.

– Бабушка, когда я родилась, по глазам мне пралесками водила и говорила: «Будьте вочки як пралески». – Алеся улыбнулась тоже. – Потому они такие голубые, может.

– Как-как? – заинтересовался он. – Я думал, Пралеска – это ваша фамилия.

У него брови приподнялись, когда он паспорт ее смотрел, Алеся заметила.

– Фамилия, – кивнула она. – Но и цветок так называется. Первоцвет.

– Вон что. Алеся Пралеска. Красиво. И смешно. Вернее, задорно.

– Ирина Михайловна, будем капельницу снимать, – сказала Алеся.

– Уже? – Та подняла глаза. Они были отрешенные – похоже, не от капельницы, а от полной погруженности в книгу. – На самом интересном месте!

– На каком? – с интересом же спросила Алеся.

– Когда Клэри идет в ресторан и начинается бомбежка. Это Лондон в сорок первом году, «Хроника семьи Казалет». Не читали? Книга просто прекрасная, так увлекает! Если хотите, могу вам дать, прочтете на одном дыхании.

– Спасибо, – ответила Алеся. – На одном дыхании не получится. Работы много, не успеваю.

– У вас семья?

– В Пинске.

– Скучаете, наверное.

Сочувствие в голосе Ирины Михайловны было искренним, а отсутствие дальнейших распросов – тактичным.

– Конечно, – кивнула Алеся. – Как самочувствие после капельницы?

– Вполне. Легкое головокружение, но это всегда.

– Не вставайте пока, – забеспокоилась Алеся. – В туалет, конечно, захочется... Идите очень осторожно. А лучше бы вам судно.

– Еще не хватало! – Ирина Михайловна вздрогнула. – Нет-нет, это мне рано.

– Полежи, мама, – сказал Игорь Павлович. – А я Алесе еще кофе предложу. Чтобы она еще немного у нас побыла.

– Я и так побуду, – ответила Алеся.

– Предложи лучше суп, – сказала Ирина Михайловна. – Алеся наверняка проголодалась.

– Спасибо, я... – начала было она.

– Вы одна живете, первое не готовите, – перебила Ирина Михайловна. – А для желудка суп необходим. Поешьте, пожалуйста. Он вкусный, моя невестка прекрасно готовит.

Алеся не говорила, что живет одна, но возражать не стала. И против супа тоже.

В кухне Игорь Павлович потрогал стоящую на плите кастрюлю и включил под ней конфорку.

Готовила его жена, может быть, и хорошо, но в кухне, несмотря на чистоту, царило запустение. Или как раз из-за мертвенной чистоты такое впечатление создавалось. Или из-за строго серо-зеленоватого цвета стен. Не похоже, что здесь готовят, еще меньше похоже, что собирается за обедом семья. Хотя в такой квартире, наверное, не в кухне обедают, а в гостиной, или в столовой, или как они ту комнату называют, не залой же.

Игорь Павлович достал бумажник, протянул Алесе купюру.

– Или вам на карту удобнее? – спросил он.

– Все равно. – Она взяла деньги. – Спасибо.

– Вам спасибо. Не скрою, в какой-то момент я подумал, что ввязался в непростительную авантюру.

– Я тоже.

– Но оказалось, мы оба обладаем хорошей интуицией.

– Все-таки лучше бы вашей маме в стационар лечь, – сказала Алеся. – В ее возрасте на дому только таблетки можно принимать, и то осторожно.

– Не травите душу, – поморщился он. – Мама абсолютно разумный человек и всегда такая была. Но упряма во всем, что касается ее привычек, и это тоже было всегда.

– У всех старых людей так, – пожала плечами Алеся.

– Вас это не раздражает?

– Мы к этому спокойно относимся.

– Вы вообще от обычных людей отличаетесь. Медики, – после едва заметной паузы уточнил он. – У меня одноклассник врач, он мне когда-то объяснил. Мы же, сказал, с семнадцати лет анатомию в морге изучаем, и вся юность у нас проходит под этим знаком.

– Под каким знаком? – не поняла Алеся.

Даже когда он говорил непонятные вещи, его интересно было слушать. А может, и интереснее всего ей было слушать именно о таких вещах.

– Жизни и смерти, – ответил Игорь Павлович. – Это заставляет быстрее взрослеть. Или не так?

Он смотрел на нее внимательным взглядом. Непонятно, что в его глазах. От этого должно становиться неловко. Но Алеся никакой неловкости с Игорем Павловичем не чувствовала. Удивительно – он не из тех, про кого скажешь, что обаятельный или располагает к себе. Но с ним легко. Ей, во всяком случае.

– Так, – согласилась она.

В кастрюле забулькало. По кухне разнесся такой аппетитный запах, что Алеся почувствовала голод.

Игорь Павлович выключил плиту, достал из кухонного шкафа глубокую тарелку.

Суп оказался очень густой и с таким количеством разных овощей, что Алеся даже не все смогла различить. Капуста заметна, цветная, и брюссельская, и брокколи, фасоль в стручках, картошка. Ага, морковка тоже. И правда, хорошо его жена готовит! Сытно, но не тяжело. И красиво в тарелке, разноцветно так.

Заметив, с каким интересом она разглядывает суп, Игорь Павлович спросил:

– Нравится? Маруся такой в Бад-Мюнстерайфеле ела, в Германии, и хозяин кафе дал ей рецепт.

– Там фарш еще, – заметила Алеся. – И колбаски какие-то.

– Да все там, что под руку попадет.

– Очень вкусно!

– Брат у меня гурман, так что кулинарный талант его жены оказался очень уместен. Ну и нам всем перепадает, тоже хорошо.

– Ваш брат с женой вместе с Ириной Михайловной живут? – спросила Алеся.

– После папиной смерти мама решила жить одна. Так для всех лучше. Было.

Обеспеченные люди. Есть возможность не возражать такому маминому решению. Хотя квартира и так-то большая, а для одного человека просто огромная, и логичнее было бы жить в ней семье кого-нибудь из сыновей или внуков.

Стоило Алесе об этом подумать, как ей стало так стыдно, что даже кровь в лицо бросилась. Игорь Павлович говорил о быстром взрослении в положительном смысле, но когда ловишь себя на таких вот мыслях, то поневоле подумаешь, что лучше бы не взрослеть, а оставаться в том возрасте, в котором бабские рассуждения были еще незнакомы.

– Спасибо, Игорь Павлович, – сказала Алеся. – Суп и правда очень вкусный.

От кофе она отказалась, а тарелку он ей помыть не дал – поставил в посудомоечную машину. И вышел провожать Алесю во двор, хотя совсем это было не нужно.

Дом, на который она оглянулась от решетчатой ограды, выглядел как-то беспорядочно. Нельзя было даже понять, сколько в нем этажей, то ли пять, то ли больше, то ли меньше.

– И больше, и меньше, – ответил Игорь Павлович, когда она его об этом спросила. – Было четыре этажа, потом пятый достроили, потом шестой отчасти. Встройку сделали с Лялиного переулка, и квартиры там вышли странные, узкие, тесные, кухни чуть больше шкафа. Квартирный вопрос, как известно, москвичей испортил, и дома наши испортил тоже.

– А внутри не кажется, что тесно, – сказала Алеся.

– Теперь – да, – кивнул он. – Коммуналки давно расселены, переделаны. А все мое детство прошло под знаком тесноты и капитального ремонта, причем крайне бестолкового. Тогда ведь жильцов не спрашивали, что им нравится. То паркет во всех квартирах накрывали линолеумом, то трубы отопления зачем-то под потолок переносили. То электропроводку набили прямо по штукатурке – потом обои нельзя было поменять, от клея цепь замыкало и током било.

– Я смогу поставить Ирине Михайловне следующую капельницу, – сказала Алеся. – Вы ведь это хотите спросить?

– Да.

Он не удивился ее вопросу и, ей показалось, обрадовался тому, что она догадалась о его колебаниях.

– Сегодня в ночь дежурю, завтра с утра работаю, а вечером приду.

– Спасибо, Алеся.

– Ей еще две капельницы останется. Послезавтра у меня не получится, но что-нибудь придумаем. Кого-нибудь из наших девочек попрошу. За кого могу ручаться.

– Спасибо вам, – повторил он. – Дадите ваш телефон?

Она продиктовала номер, Игорь Павлович набрал его на своем телефоне и сбросил звонок, когда в сумке у нее запела Барбара Стрейзанд.

– И позвольте мне вызвать вам такси, – сказал он.

– Зачем? – пожала плечами Алеся. – Мне до дому пешком всего пятнадцать минут от метро.

– А метро какое?

– «Мякинино».

Услышав название станции, он достал телефон и открыл приложение для вызова такси. Спросил адрес, и она назвала. Он не давил и не командовал, но все его действия были так естественны, что возражать было глупо и не хотелось.

Машина подъехала сразу, центр же. В заднее окно Алеся видела, как Игорь Павлович идет к своему подъезду. У него была походка человека, который не задумывается, как он выглядит, потому что думает о каких-то более важных вещах. И потому что выглядит он очень хорошо.

Его дом был очень прост во всем своем облике, но остальные дома в Подсосенском переулке были куда более затейливы – московские, старинные, с лепными портиками и барельефами в виде женских лиц над окнами. Да и вся Москва такая, что Алеся не понимала, как это люди, когда едут в наземном транспорте, уткнутся в смартфоны и даже взгляда на все это не бросят. В центр она приезжала при любой возможности, но не на такси, конечно, поэтому смотрела сейчас в окно с особенным неторопливым удовольствием.

Широкими улицами ее не удивить – в Минске они такие же. Но в Минске все послевоенное, кроме, может, Троицкого предместья, а здесь не успеваешь взгляд переводить с одного времени на другое. Есть даже дома, которые еще до Наполеона построены! Алеся специально ходила смотреть такой дом на Тверском бульваре. Настоящая усадьба, в ней Герцен родился, и перед фасадом памятник ему, а в самом доме Литературный институт. Есть же, значит, талантливые люди, и немало, раз им целую усадьбу отвели под учебу. Вот как можно просто так, из ничего, взять и написать книгу? Непонятно и радостно.

Она улыбнулась тому, какими детскими вдруг стали мысли. Ну, сама же только что стыдилась того, что мыслями обабилась. Вот они и вернулись к обычному своему порядку, и Москва с ее огромной красотой этому помогла.

После Подсосенского переулка, и Покровки, и Чистых прудов как-то тягостно показалось въезжать в Павшинскую пойму. Алеся никогда на машине сюда не въезжала, всегда шла к себе на Красногорский бульвар от метро «Мякинино» пешком по длинному пешеходному мосту через Москву-реку, и поэтому впервые увидела сейчас этот район вот так, по всему его протяжению.

Пришлось стоять в такой глухой пробке, что она не выдержала и вышла из такси, хотя до дома еще почти километр было идти. Но километр пешком пройти проще, чем час томиться в едва ползущей машине. Хорошо еще, если час, а не больше.

Кто застроил этот район такими домами – высоченными, длиннющими, стоящими вплотную друг к другу? Кто распланировал так, что въехать сюда можно по единственной неширокой улице? И ни единой парковки для машин, которым счету нет, и по дворам из-за этого приходится боком пробираться. И как людям жить в таком переполненном челоуейнике?

Но живут же как-то. По узкому бульвару мамы с колясками гуляют между бесконечными пробками. Возле каждой коляски по трое детей бегают или по пятеро даже, весело кричат по-киргизски, по-таджикски. Им все нравится. Свете, с которой Алеся снимает квартиру, тоже нравится жить в Павшинской пойме. Магазины в каждом доме, рядом Крокус Сити Молл, в нем тоже магазины, кафе, кино, хоть весь выходной можно там провести, Света и проводит. Да и

сама Алеся за год ко всему этому привыкла, хотя сразу, когда приехала в Москву, Павшинская пойма ее ошеломила.

В квартиру она вошла тихо. Света сегодня после ночи и, может, еще спит. В школе Алеся со Светой совсем не дружила и даже не помнила, какая она, но когда решила ехать в Москву, то выбирать не приходилось. Какая ни есть, а на одной улице выросли, и лучше жить с ней, чем неизвестно с кем. О том, чтобы снимать квартиру одной, речь не шла – какой тогда был бы смысл от московской работы? Даже вдвоем смысл есть, только если живешь не в городе, а за Кольцевой, и Павшинская пойма отличный вариант. Тем более что Света успела снять эту квартиру еще до того, как рядом появилось метро, и после открытия станции «Мякинино» хозяева не повысили оплату, решив, что лучше две белоруски по старой цене, чем десять азиатов по новой.

Оказалось, Света уже не спит – она выглянула из своей комнаты в полном боевом раскрасе. Вернее, раскрас был почти не заметен, как и следовало по актуальной моде, но дома-то она не только не красилась, а даже и причесывалась не всегда. Если глаза чуть подведены и губы чуть подкрашены, то это для выхода в люди.

– Ну как у них там? – спросила Света.

– У кого?

Алеся даже вздрогнула – откуда той знать про дом в Подсосенском переулке? Но сразу сообразила, что имеется в виду Маргаритина дача. Когда Алеся вчера утром сказала, что едет в Мамонтовку, Светина фантазия разыгралась не в меру.

– Обыкновенно. – Алеся пожала плечами. – Скромно.

– Да? – В Светином голосе послышалось разочарование. – А дом какой?

– Обыкновенный, – повторила Алеся. – Бревенчатый, мансарда щитовая. Да я сильно не разглядывала. Не покупать же ездила.

– А что вы делали? – уже с меньшим интересом спросила Света.

Она принесла из своей комнаты горячие щипцы и под Алесин рассказ о том, как они с Ритой днем купались в речке, а вечером пили на веранде итальянское вино, стала подкручивать волосы перед большим зеркалом в прихожей.

– А кто еще был? – спросила Света.

И узнав, что была еще Ритина мама, интерес к Алесиной поездке утратила напрочь.

– Ты как монашка вообще, – пожала она плечами.

– Почему? – не поняла Алеся.

– Никуда не ходишь, ни с кем не знакомишься.

– Во-первых, хожу.

– Ага, в музей. Я не об этом, будто не понимаешь.

– Во-вторых...

Алеся чуть не сказала, что как раз сегодня познакомилась с очень интересным мужчиной – таким почему-то обидным показалось ей Светино замечание. Но опомнилась и не сказала. В конце концов, рассказать, что ставила капельницу и ела в кухне овощной суп, это то же самое, что рассказать о походе в Третьяковскую галерею. Света в самом деле не об этом. А кроме этого ничего ведь и не было.

Света положила щипцы на полку, полюбовалась собою в зеркале. И есть чем любоваться: волосы светлые и густые, при высоком росте, длинных ногах и больших серых глазах – девушка, что и говорить, заметная. Ухажеров у Светы было море, но те, за кого хотелось бы замуж, не предлагали даже совместного проживания. А те, которые предлагали, не заслуживали и внимания, не то что чего-нибудь большего. Почему так получается, Света не понимала, и это очень ее сердило.

Но сегодня вид у нее был не сердитый, а скорее загадочный. Почему, Алеся не спрашивала, ясно же, что сама расскажет.

– Авдеев в «Пушкин» пригласил, – наконец сообщила Света. – Ресторан такой в центре, никогда там не была. В интернете посмотрела – дорогой страшно и тусовочный такой, все звезды туда ходят. Интересно, почему именно Пушкин?

– Что – почему? – не поняла Алеся. – Не я же тебя туда пригласила. Наверное, Авдееву этот ресторан нравится.

– Поэт почему главный – Пушкин? Других же много. Выбрали одного и повторяют.

И пока Алеся соображала, что на это ответить, Света засмеялась, влезла в туфельки на шпильках, подхватила сумочку на цепочке и прошествовала за дверь. Отвлеченные рассуждения, да еще о Пушкине, были ей настолько не свойственны, что объясняться могли только ее прекрасным настроением. Наверное, «Пушкин» и правда хороший ресторан, и Авдеев этот, недавно появившийся, очень ей нравится.

Над зеркалом тикали часы. До работы можно еще поспать, и надо поспать. Как все медики, Алеся засыпала мгновенно и в рабочую форму приходила через три минуты после пробуждения.

Как легко она привыкла к обычному, обыденному течению жизни! Может, это и хорошо – как жить без этого? Но так ведь было не всегда, и будет так не всегда, потому что жизнь пройдет. И неважно, что не верится в это под тиканье икеевских часов над зеркалом. Все равно пройдет, и Света права: страшно жалко, что проходит она так обыкновенно.

Глава 3

Профессию Алесья выбрала в десятом классе. В актрисы не рвалась, в космонавты тем более, но все-таки хотела, чтобы работа у нее была... Ну, чтобы делать что-нибудь такое, без чего люди жить не могут. Работа медсестры как раз подходила. Хорошо бы, конечно, стать врачом, но на это она не замахивалась – понимала, что в мединститут на бюджетное вряд ли поступит. В медицинский колледж тоже еще поступи попробуй, но если химия у тебя хорошо идет, то это все-таки возможно.

По химии Алесья даже районную олимпиаду выиграла, это тоже должно было помочь при поступлении. И мама ее стремление поддерживала, и бабушка. Папа на этот счет, правда, не высказывался, но наверняка поддерживал и он, а молчал просто потому, что был неговорливый, как все полешуки.

Поступать она хотела только в Минске. О своем, пинском колледже даже слышать не желала. Учеба – это же не просто получение специальности, а время, которое никогда больше не повторится, и друзья на всю жизнь, и вообще. «Вообще» маму больше всего и беспокоило – она считала, что Алеська чересчур доверчивая и мало ли кто на ее пути встретится в большом городе. При словах «большой город» сердце у Алеси не замирало, а наоборот, начинало биться очень сильно, и даже кровь прилиwała к щекам от такого сердцебиения и от предчувствия счастья.

На мамины страхи она не обращала внимания. Во-первых, когда маме даже ненадолго приходится ехать в Минск на какую-нибудь учительскую конференцию, она всегда говорит, возвращаясь, что не представляет, как минчане живут в такой суе. И зачем же тогда прислушиваться к ее мнению? А во-вторых, родители в девяностые годы так напугались, что все время им кажется – вот-вот случится что-нибудь ужасное, и все рухнет, и даже есть будет нечего. Только к беде и готовятся, и какие при этом могут быть мечты?

Мама поотговаривала Алесью уезжать из дому, но потом смирилась.

– Прабабка твоя, Вероника Францевна, тоже в Минске когда-то жила, – словно убеждая сама себя, сказала она. – Нравилось ей там, наверное. Спросить бы, что нравилось...

В мамином голосе не слышалось уверенности. А спросить было не у кого: Вероника Францевна давно умерла. Она была здешняя, полесская, в Минске жила до войны. От нее остались открытки с видами старого города и фотография, сделанная, как значилось на паспорту, в минском же ателье Элиаса Каплана в 1924 году.

Мама считала, что у Алеси есть с той прабабкой сходство – волосы, глаза, взгляд – и хорошо, что оно досталось, потому что та была красивая. Но Алесья никакого сходства не видела, да и внешность у Вероники Францевны – длинная светлая коса уложена так, что ее переплетенными прядями прикрыты, как сетью, виски и даже щеки, – слишком уж несовременная. Так что и непонятно, красивая она была или нет.

Но вообще-то Алесе это было все равно. Мало ли кто на кого похож, у кого какие глаза и волосы! Она думала только о том, что имело отношение к ее будущей жизни, а потому не поднимая головы сидела над учебниками и даже в поход на колодец королевы Боны не пошла после выпускного, хотя весь класс пошел, и ее, конечно, звали, особенно Толик звал, но что ей Толик!..

В Минск ее повезла мама, на время вступительных экзаменов остановились у дальней родственницы – Алесья даже не поняла, кем та кому приходится, – сами экзамены она сдала не то чтобы легко, а... Просто не помнила, как их сдавала, такой образовался у нее внутри провал от страха и восторга. И только когда стояли перед доской со списком поступивших и мама воскликнула: «Божечки мои, вот, гляди – Пралеска Алесья Юрьевна!» – мир вокруг

прояснился, заиграл яркими красками, и Алеся поняла, что жизнь, о которой она мечтала, наконец началась.

В первом же семестре выяснилось, что она обладает всеми качествами, необходимыми для того, чтобы стать хорошей медсестрой – сообразительная, память цепкая, руки ловкие, и умеет себя заставить. Так про нее мама всегда говорила:

– Алеся наша молодец, умеет себя заставить.

Алеся не видела в этом ничего особенного. Ну да, не очень-то интересно зубрить названия костей, еще и на латыни, но куда денешься, раз надо. И она зубрила, и сдавала экзамены на отлично. Не потому что хотела быть лучше всех, а потому что ей всегда было свойственно делать так, как правильно.

Она была единственная дочка, родители пенсионного возраста, поэтому после училища ее, скорее всего, распределили бы в Пинск, и хорошо – главное, не в Чернобыльскую зону. Но вышло иначе.

– ...Померяй, детка, давление. Что-то голова кружится.

Алеся вздрогнула, увидев перед сестринским постом старушку в синем стеганом халате – из настоящего, не из того своего прошлого, которое сейчас вспоминала. Она не спала, но старушка подошла неслышно, как кошка. И смотрела на Алеся кошачьими круглыми глазами и с кошачьей же непреклонностью.

Можно было бы сказать старушке, что ночью надо спать, тогда и не будет голова кружиться, а давление можно и утром измерить. Но зачем? Проще сделать что просят, чем объяснять, почему это не нужно, да еще расхлебывать потом последствия, когда та пойдет жаловаться, а пойдет она обязательно.

Старушка лежала в платной палате на плановом обследовании. Давление у нее оказалось сто шестьдесят на восемьдесят. Алеся вспомнила, как Ирина Михайловна назвала его рабочим, а она сказала, что рабочим такое называть не надо.

Но и вызывать дежурного врача из-за такого давления не надо было тоже. Алеся уговорила старушку лечь, принесла ей валериану и измерила давление еще раз. Иначе как шарлатанством такие действия не назовешь, но старушке это понравилось, и она уснула, а Алеся вернулась на сестринский пост.

Лучше пустая тревога, чем настоящая, и лучше помочь валерианкой, чем серьезным усилием. Она вспомнила, как придумывала для себя что-то необыкновенное: в ее дежурство придется спасти человека, и она спасет, или придет ей в голову какое-то выдающееся решение, которого никто никогда не находил, и человек от этого выздоровеет, или еще что-нибудь подобное. Много она, когда поступала в колледж, выдумывала такого, от чего охватывал восторг, как будто с ледяной горки на санках летишь.

К окончанию учебы Алеся поняла, что ничего такого в ее жизни, скорее всего, не будет. Может, потому что она выбрала не хирургию, а терапию, то есть работу размеренную и неброскую, без эффектных свершений. Понимание этого пришло как-то незаметно, поэтому Алеся не почувствовала разочарования. И когда во время последней перед выпуском практики в Первой клинической больнице заведующий терапией сказал: «Посмотрите, как Пралеска внутривенные уколы делает, и зафиксируйте в своем сознании: вот это и называется легкая рука», – она ощутила не восторг и не замирание сердца, а лишь спокойную радость и гордость.

На заведующего она смотрела, как все практиканты, – как на бога. Если девчонки говорили, что он симпатичный, то удивлялась. Во-первых, он немолодой уже, а во-вторых, как можно прикладывать к такому врачу такое неподходящее слово?

И когда однажды заведующий обратился к ней просто на улице, она растерялась. Вернее, не на улице это было, а в «Бульбяной». Но все равно, как такое возможно, чтобы он ее запомнил и захотел с ней поговорить?

Алеся вышла из больницы поздним вечером и вдруг поняла, что проголодалась чуть не до обморока. Днем смотрела, как делают плазмолфарез, это было не обязательно, но выдалась возможность, и как не воспользоваться, ну и не успела пообедать, потом про еду забыла, а теперь вот организм напомнил, даже руки затряслись и ноги подкосились, и пришлось забежать в «Бульбяную», хотя обычно готовила себе ужин на общежитской кухне или просто пила вечером кефир, заедая булкой.

Есть хотелось так сильно, что она взяла колдуны, поскорее отошла к высокому столику в углу и стала есть их не вилкой, а ложкой, отправляя в рот целиком.

– Как вдохновляюще вы едите! – услышала Алеся. Она чуть не подавилась колдуном.

– Извините. – Он поставил на ее столик блюдечко с солеными грибами и большую рюмку водки. – Нет свободных мест. Можно к вам присоединюсь?

– Конечно.

Алеся поскорее проглотила колдун и закивала.

– Извините, не запомнил ваше имя. Только фамилию интересную.

– Алеся.

Она и фамилию его, и имя, само собой, знала – Климок Борис Платонович. Он ей очень нравился. Как врач, конечно: спокойный, не придирается попусту и все-все объясняет, хотя заведением мог бы медсестрам-практиканткам не объяснять вообще ничего.

– Я обратил внимание, как вы капельницу поставили, – сказал он. – Просто играючи. При том, что вены у пациента были убитые.

Алеся смутилась еще больше, хотя от того, что он с ней заговорил, и так была уже смущена дальше некуда. От смущения она сделала большой глоток из стоящей перед ней керамической кружки. Мятный чай обжег язык, и она ойкнула.

– Осторожнее. Может, водки выпьете? – спросил Борис Платонович. – Составите мне компанию.

– Спасибо. – Она смахнула слезы, выступившие от горячего чая. – Я не пью.

– Совсем?

– Водку не пью. Вино только.

– Взять вам вина? – И прежде чем она успела возразить, добавил: – Извините. Мне правда не хочется пить одному. А надо.

– Почему надо? – спросила Алеся.

Хотя, наверное, спрашивать-то было как раз и не надо. То есть неловко было такое спрашивать.

Но Борис Платонович не посчитал ее вопрос неловким.

– Было вчера тяжелое впечатление и второй день не отпускает. Вот, надеюсь отогнать.

Он кивнул на свою рюмку.

– Конечно, я могу вина с вами выпить, – сказала Алеся.

Борис Платонович принес ей бокал красного вина и вазочку с клюквой в сахаре.

– Или надо было взять вам поесть? – спросил он.

– Да вот же.

Она показала на свою тарелку, в которой оставалось еще два колдуна, политых сметаной. Он улыбнулся:

– Счастливым вы человек.

– Почему?

– Хотя бы потому что молоды. Я, например, уже вздрагиваю при одном виде такой тяжелой пищи.

– Не такие уж они тяжелые. – Алеся покачала головой. – У нас колдуны более сытные делают.

– У вас – это где? – поинтересовался он.

– В Полесье.

– Алеся Пралеска из Полесья. – Он снова улыбнулся. – Звучит волшебно.

Она вдруг поняла, что он... Нет, не симпатичный, как девчонки говорят, а красивый. Просто очень красивый. Что у него тонкие черты лица. И глаза глубокие. И внимательные. И умные. И печальные. Она так растерялась, поняв это, что замерла, не в силах отвести от него взгляд.

– Что же, выпьем? – напомнил Борис Платонович.

Алеся обрадовалась его предложению, потому что можно было прикрыться бокалом. Он быстро опрокинул в рот водку. Она отпила несколько глотков вина.

– У вас там, в Полесье, наверное, вообще вкусно готовят, – сказал он.

– Кто как.

– А вы?

– Я не очень умею, – призналась Алеся. – Дома мама готовит, в Багничах бабушка. Это деревня наша, Багничы, – объяснила она. – То есть мой папа оттуда родом. Но теперь он в Пинске живет. И мама тоже. Мои родители в Пинске живут.

– После учебы туда вернетесь?

– Буду проситься. Но куда получится, конечно.

– А в Минске не думаете остаться?

– В Минск меня вряд ли распределят.

Она взяла из вазочки клюкву в сахаре.

– А что у вас в Полесье готовят на десерт? – спросил Борис Платонович.

При этом он тряхнул головой, отгоняя горестные мысли. Что мысли у него горестные, Алеся поняла по тому, как болезненно сощурились его глаза.

– На десерт... – Она слегка растерялась. – А!.. В Багничах кулага варят.

– Что такое кулага?

В его глазах мелькнул интерес. Горестное выражение исчезло.

– Это из ягод. Все ягоды берут – чернику, бруснику, калину. Рябину тоже можно, – вспомнила она. – Муки немножко добавляют, меду. И разваривают.

– И что получается?

– Что-то вроде киселя.

Алесе вдруг показалось, что очень глупо говорить про какую-то кулагу. Он же не знает, как она ее любила в детстве, целую миску могла съесть, когда к бабушке приезжала. А рассказать ему об этом она не сумеет.

Но Борис Платонович улыбнулся так, будто и без ее слов все это понял.

– Когда вы говорите о простых и милых вещах, меня это не ранит, – сказал он.

– А почему должно ранить? – не поняла Алеся.

– Вчера одноклассницу встретил, – сказал он вместо ответа. – Мы с ней в школе очень дружили. Понимаю, что дружбы между мальчиком и девочкой не бывает, но у нас была. Собственно, не только с ней – мы целой компанией дружили. И часто домой к ней заходили после уроков. Я в четвертой школе учился.

«Наверное, это в Минске известная школа, – подумала Алеся. – С уклоном каким-нибудь».

– Четвертая школа на Красноармейской, угол Кирова, – сказал Борис Платонович. – А Оля жила на улице Ленина, это рядом. Отец ее был профессор мединститута и на меня, помню, еще в третьем классе произвел такое сильное впечатление, что я уже тогда на врача захотел учиться. Такой он был спокойный и умный человек. Квартира у них была профессорская, еще его родителей. Очень респектабельная – мебель из карельской березы, часы с боем. Я такого ни у кого не видел, хотя школа у нас была, как теперь говорят, элитная. Мы в Олиной комнате всей компанией располагались, уроки вместе делали... О Канте разговаривали

– я в десятом классе очень им увлекся и всей компании его учение страстно излагал. Отец Олин любил с нами посидеть, иногда мама заглядывала. Она эффектная была, эмоциональная, гораздо его моложе, приходила в каком-то экстравагантном пеньюаре... В общем, это было лучшее воспоминание моего детства.

– А потом? – чуть слышно спросила Алеся. – Потом вы поссорились?

– Почему поссорились?

– Вы же говорите, это воспоминание не есть, а было.

– Не поссорились, а просто жизнь развела. Так бывает. Чаще всего так и бывает. Новая учеба, новая жизнь, это всех разводит по своим дорожкам. Тем более когда медицине учишься, немного остается времени на постороннее общение. Да вы и сами знаете. – Алеся кивнула. – А неделю назад Оля ко мне на работу зашла, – сказал Борис Платонович. – Я ее много лет не видел и с трудом узнал.

«Странно все-таки, – подумала Алеся. – Он хоть и не очень молодой, но и не старый еще. Неужели его одноклассница так постарела, что узнать нельзя?»

– Она больна, – словно расслышав ее мысли, сказал Борис Платонович. – Психика абсолютно расстроена, глаза уплывают, мутные совершенно. Живет в основном по больницам, иногда выходит, пытается куда-то устроиться, но куда в таком состоянии? К нам даже санитаркой взять не могу. Стал у одноклассников узнавать... Оказалось, как только в университет поступила, на первом же курсе вдруг любовь. К какому-то... Из тюрьмы вышел, еще и алкоголик. Забеременела, родила. Учебу пришлось бросить. Обычная в общем-то история, с любой чувствительной домашней девочкой может такое случиться.

– А родители? Неужели не помогли?

– В том все и дело. Мамаша ее как раз в то время нашла себе молодого любовника, отцу устроила развод с разделом имущества. Квартиру профессорскую пришлось продать. У них еще младший сын был, и мамаша вместе с ним почти все себе отсудила. Отец куда-то на окраину переехал, в Шабаны, кажется, а Оля к своему, с позволения сказать, мужу. Тот ее начал бить и вскоре выгнал, как и следовало ожидать. Она с дочкой пришла к отцу – мать сказала, что сама виновата, надо было думать, от кого рожает. Вот так. Раздавила ее жизнь.

– И что же теперь с ее дочкой? – растерянно спросила Алеся.

– Отец Олин ее воспитывал, пока мог. Потом умер. Оля в психо-неврологическом интернате. Мать сказала, внучку с такой наследственностью на себя не взвалит. Брат за границей где-то. Девочку в детдом отдали, там и выросла. Что с ней теперь, неизвестно. Оля вчера меня у больницы ждала – попросила денег. Я дал, конечно. Но... Страшно все это, Алеся. Была семья, жизнь, радость, Оля стихи любила, в тетрадку выписывала – и всё в прах. Как не было. Я человек не очень эмоциональный, но из головы это не идет. Спасибо вам, – сказал он.

– Да за что же? – воскликнула Алеся.

– Чудесно действуют ваши глаза. – Борис Платонович улыбнулся. – Как в озеро нырнул. Много у вас в Полесье озер?

Алеся кивнула. Она не знала, что сказать, так жалко ей было и ту несчастную Олю, и... Да, Бориса Платоновича очень было жалко. Не удивительно, что печаль у него в глазах, раз он так сильно все переживает.

– Ну, пойду, – сказал он. – Хорошо, что вас встретил.

Борис Платонович взял Алеся за руку, пожал ее быстро и ласково. И вышел из кафе. Алеся перевела взгляд на тарелку с колдунами. Как это они лежат такие... прежние, нисколько не переменились? Как будто нет той жизни, которую она увидела в глазах Бориса Платоновича.

Но в ней, в ней самой переменилось все. Это произошло так неожиданно, что она не умела это объяснить, только чувствовала. И знала, что прежней ей уже не быть.

Глава 4

Ресторан «Встреча в Москве» Алесе не понравился. Вернее, еда-то понравилась, но она не так сильно любила поесть, чтобы очень уж этому радоваться.

Правда, говорить об этом Виталику она не стала. Он был неплохой человек, занимался программным обеспечением и однажды помог Алесе, когда в ее дежурство на сестринском посту намертво завис компьютер. Она была ему за ту помощь благодарна, так и сказала, а через неделю поняла, что Виталик заходит в отделение терапии как-то чаще, чем раньше, и каждый раз заглядывает к ней в сестринскую или на пост.

Так что его приглашению в ресторан на ВДНХ она не удивилась. И почему же не пойти? Пошла.

В меню было написано, что «Встреча в Москве» возвращает в советское время и представляет кухни народов СССР. Были здесь в самом деле и чебуреки, и украинский борщ, и хинкали, и драники. Виталик почему-то думал, что Алесе именно драников захочется, но она выбрала мурманскую рыбу, объяснив:

- Драников я и дома могу нажарить.
- А ты умеешь? – поинтересовался Виталик.
- Да что там уметь? – улыбнулась Алеся.

Он выглядел погруженным в себя, а когда достал айфон, чтобы проверить звякнувшее сообщение, то по быстрому и радостному выражению его глаз Алеся поняла, как сильно ему хочется поскорее вернуться к своей привычной жизни, которая проходит в виртуальном пространстве и в выходе в реальность нисколько не нуждается. Но ведь все айтишники такие, и ресторан не понравился ей, наверное, не поэтому.

– А потому, что вы чувствуете фальшь, – сказал Игорь Павлович, когда Алеся мельком упомянула, что ела вчера мурманскую рыбу с кус-кусом.

Он спросил, где она это ела, и пришлось рассказать про «Встречу в Москве». Оказалось, он этот ресторан знает.

– Какую фальшь? – не поняла Алеся.

– Фальшь самого посылы – вот такие, товарищи, замечательные были советские рестораны, вот такая в советские времена была прекрасная еда.

– А разве не так? Салат оливье точно был. И чебуреки тоже были.

Он поморщился.

– Не были тоже, а назывались так же. Чебуреки, которые тогда продавались на ВДНХ, не имеют ничего общего с теми, которые подают в этой «Встрече в Москве». Вы тех чебуреков в силу своей молодости просто не ели – на вас и расчет. И интерьеры, которые там выдают за советские, тоже фальшивая декорация, больше ничего. Обман, и не такой уж безобидный. Даже гнусный, я бы сказал.

Алеся вспомнила, что внутри в самом деле было много каких-то предметов из советских времен, вроде радиоприемника с колесиком, и стоял автомат с газировкой, в котором граненые стаканы были как у бабушки в деревне, и на стенах висели плакаты с широко улыбающимися женщинами в юбках колокольчиками. Но ведь в любом кафе все делается в одном каком-нибудь стиле, ничего в этом нет особенного.

– Почему же обман, да еще гнусный? – удивленно спросила она.

– Потому что в молодые головы всеми способами вливается мысль, что при советской власти было прекрасно. И набитые отличным мясом чебуреки на эту лживую максимум работают. В советские годы чебуреки были набиты жилами, хорошо если хотя бы не тухлыми. – И прежде чем она как-то отозвалась на его слова, Игорь Павлович спросил: – Алеся, вы подумали над моим предложением?

Предложение на первый взгляд было из тех, от которых глупо отказываться. Но уже на второй, чуть более внимательный взгляд становилось понятно, что принять его – значит поставить себя в такое положение, из которого в случае чего непросто будет выбраться.

Однако на прямой вопрос и отвечать нужно прямо, и она ответила:

– Подумала. Но ничего не решила.

– Почему?

В его серьезном взгляде проступала печаль, это было слишком знакомо и ранило.

– Игорь Павлович, что я буду делать, если через два месяца вы скажете, что я вам не подхожу? – спросила Алеся.

– Я такого не скажу.

– Ну или Ирина Михайловна скажет. Она пожилой человек, и перемены настроения могут быть, и просто капризы. В ее возрасте это естественно, я не осуждаю. Но делать-то что мне тогда? Подруга моя за всю квартиру платить не захочет, вместо меня кого-нибудь в соседки найдет. А я такое жилье, как сейчас, за такую цену больше уже не найду.

– Послушайте, Алеся. – Его голос звучал сухо, но именно это внушало доверие. – Мы с вами подпишем договор, на который не смогут влиять перемены чьего бы то ни было настроения. Там будет прописано ровно то, что я вам предложил: вы в свободное от основной работы время оказываете моей маме услуги медицинского характера, перечень мы с вами согласуем, и за это проживаете в отдельной комнате ее квартиры.

– Но у меня же ночные дежурства бывают, – сказала Алеся. – И в Пинск мне может понадобиться съездить. И как тогда?

– Вряд ли вы собираетесь уезжать часто и надолго. Думаю, ваша работа в больнице этого не предусматривает. А маме нужна некоторая помощь, но круглосуточная сиделка пока не требуется. Думаю, вы и сами это поняли.

За те несколько раз, когда Алеся приходила ставить Ирине Михайловне капельницы, а потом внутримышечные уколы, как сегодня, она в самом деле это поняла. И что Игорь Павлович ее не обманывает, понимала тоже. Но понимала и другое...

«Я не имею права ни на малейший риск, – глядя в его внимательные глаза, без слов произнесла она. – Я сказала себе это, когда ехала в Москву. И не должна от этого отступить. У меня должна быть ровная жизнь. Без потрясений».

– Решайтесь, Алеся, – сказал Игорь Павлович. – Вы же на редкость разумный человек.

На редкость или нет, а решаться надо.

– Хорошо, – произнесла она. – Когда вы хотите, чтобы я переехала?

– Хоть сегодня. Спасибо вам.

Он улыбнулся. Улыбка появлялась на его лице не часто, это Алеся уже отметила. Значит, в самом деле рад ее решению.

– Сегодня не получится, – сказала она. – В понедельник вернусь домой после суток и буду перебираться.

– Прислать за вами машину?

– Не надо. У меня вещей не так уж много, постепенно все перевезу.

– Может быть, заплатить вашей подруге компенсацию за то время, пока она будет искать другую соседку?

Алеся не знала, чем занимается Игорь Павлович, но по всему видно, что он привык руководить, и не как чиновник, а так, как руководят своим собственным делом. Знает, на что обратить внимание.

– Не надо, – повторила она. – У нас оплата вперед, мы только что за август заплатили.

– Тогда я выплачу компенсацию за эту оплату вам.

Она хотела сказать, что вот этого не надо точно, но не сказала. Он не похож на человека, который что-то предлагает в надежде на отказ, и ей не хотелось, чтобы он принял ее слова за жеманство.

Как обычно, Игорь Павлович вышел проводить ее во двор. И, тоже как обычно, остановились поговорить у подъезда. О мурманской рыбе и обо всем таком прочем, ни о чем особенном, но разговор с ним был Алесе интересен.

– Пришлите мне, пожалуйста, ваш имейл, – сказал он. – Я сегодня же отправлю договор, вы посмотрите. И подпишем, если не возникнет возражений.

– Хорошо.

Они медленно пошли к калитке.

– С мамой вам не будет тяжело, – сказал Игорь Павлович. – Я не стал бы обманывать. Несмотря на некоторое упрямство, у нее легкий характер. И разговорами лишними не донимает, тоже плюс.

– С Ириной Михайловной интересно разговаривать, – согласилась Алеся. – Она мне сегодня рассказывала, как в войну авиабомба здесь в переулке взорвалась. В доме все стекла выбило, крыша долго потом текла, и она корыто под течь подставляла.

– Это не такие уж интересные сведения, – пожал плечами Игорь Павлович. – По всей Москве так было. У маминой одноклассницы вообще полдома бомбой снесло, ее комната без стены осталась, она прямо с улицы подходила и книжки, какие для школы были нужны, с полки брала.

– А мой дедушка в партизанах учился, – вспомнила Алеся. – В лесу. У них там в отряде все было – и школа, и мастерские всякие.

– Да, Беларусь же сплошь была партизанская, это всем известно.

Алеся тоже думала, что это всем известно, пока не разговорилась однажды с Еленой Андреевной, гематологом. У той заболела медсестра, и она попросила Алесю помочь во время плазмофареза.

– Я хотела бы в Минске побывать, – сказала Елена Андреевна, когда пациент был уложен и процедура началась.

– Так приезжайте, – сказала Алеся.

– А я боюсь туда ехать.

– Куда боитесь ехать? – не поняла Алеся. – В Минск?

– Вообще в Белоруссию. Понимаешь, я человек принципиальный, а ваши ведь в войну фашистам помогали. Боюсь не найти общий язык.

Алеся ошеломлена была так, что не знала, как на это отвечать.

– Это вам в школе рассказывали? – только и спросила она.

Они с Еленой были ровесницами. Алеся любила слушать ее выступления на больничных конференциях и почему-то всегда представляла, какой была в школе эта красивая, уверенная в себе женщина, как громко и внятно отвечала она у доски, всегда и всё зная. Чем набита эта светлая голова, Алеся, оказывается, и представить не могла.

– Это все знают, – пожал плечами Елена.

Так что насчет «всем известно» Игорь Павлович ошибается. Но об этом Алеся ему не сказала, а просто попрощалась до завтра. Хотела подать руку, прощаясь, но сразу чуть промедлила, а потом уже не стала.

Она видела, что нравится ему, и это заставляло ее колебаться не меньше, чем все другие соображения, связанные с тем, что он ей предложил. В его отношении к ней таилась большая опасность потрясений, чем в возможности потерять жилье.

Все это уже было в ее жизни. И этот внимательный взгляд взрослого человека, и ошутимое притяжение, исходящее от него. Только тогда притяжение было взаимным, а теперь? Она не знала.

Глава 5

Что после колледжа ее оставят в Минске, Алеся, конечно, не ожидала. Но когда так случилось, обрадовалась. И мама обрадовалась – привыкла, что дочка живет в столице и ей там хорошо.

Хорошо ей в Минске или нет, Алеся за время учебы не очень-то поняла. Конечно, общежитие не дом, и по дому она тосковала, и ездила в Пинск так часто, как только могла. Но тоска не скука, а скучать ей как раз не приходилось, так много времени требовала учеба. По той же причине она не успела толком понять, чем ей нравится минская жизнь.

Зато теперь понимала это в полной мере. Конечно, работа отнимала не меньше времени, чем учеба, а ответственности было и гораздо больше. Но жизнь – не учеба, не работа, а вся жизнь как есть – раскрылась теперь перед ней, и заиграла всеми оттенками привычных цветов, и стала от этого совсем непривычной.

В отделении, которым заведовал Борис Платонович Климок, Алеся встретили так, будто она и не уходила после практики. Да и сама она влилась в коллектив, будто всегда здесь работала. Правда, известная формула счастья в ее случае была верна только наполовину: утром она шла на работу с радостью, но уходить вечером домой, тоже в общежитие, только не от колледжа, а от горздрава, ей ни чуточки не хотелось.

Она говорила себе, это потому, что работа интересная, и не то чтобы просто говорила, а в самом деле любила свою работу. Но невозможно было не признаваться себе и в том, что радость ее была бы совсем другая, если бы работа не была связана с Борисом Платоновичем. Когда Алеся видела его, из ровного огня ее счастья вырывалась такая яркая вспышка, что она даже озиралась украдкой: не видят ли этого люди, не догадываются ли, в чем дело?

Что Алеся в него влюбилась, удивляться, может, и не приходилось: такой он был, что странно было бы не влюбиться. От одного его взгляда, отмеченного особенным пониманием жизни, которого у нее не было и быть не могло, – от одного этого взгляда трепетала ее душа.

В больнице у них не много было времени для общения, да и происходило оно у всех на виду и в основном по работе. Иногда отмечали в отделении чей-нибудь день рождения, но тоже все вместе, и общение при этом никак от повседневного не отличалось. Но с Борисом Платоновичем она встречалась в нерабочее время тоже, и вот это было уже совсем другое. От того, что есть между ними такая тайна, Алеся чувствовала себя совершенно счастливой.

Первый раз Борис Платонович попросил ее о встрече словно бы мельком. Она выходила из палаты, раздав лекарства, он шел по коридору и спросил:

– Увидимся сегодня вечером, Алеся?

Это вечером вообще-то и было, окна уже становились синими, сумеречными, потому она и не поняла, о чем он.

– Я вас буду ждать в кафе «Молочное», – сказал Борис Платонович. – А, черт, теперь оно как-то по-другому называется... То, что напротив цирка, возле сквера Купалы, знаете?

О каком кафе он говорит, она не знала, но разве это имело значение?

– Я приду, – ответила Алеся.

Кафе было большое, вернее, длинное и, кажется, красивое. Но его тяжеловесную, солидную красоту и по-старинному высокие потолки, из-за которых оно казалось гулким, Алеся едва заметила. Войдя, она взглянула вдоль зала и в самом конце увидела Бориса Платоновича. Он поднялся и пошел ей навстречу, а потом проводил ее к своему столику.

– Извини, что после работы тебя задерживаю, – сказал он. – Ненадолго, а?

Она хотела сказать, что он ее совсем не задерживает, она никуда не торопится, да если бы и торопилась... Господи, какое же счастье видеть его вот так, наедине! И отдельное, особенное, еще большее счастье – понимать, что и он хочет ее видеть. Иначе ведь не позвал бы сюда?

– Вы что-то хотели мне сказать, Борис Платонович?
«Зачем я спрашиваю?»

Алеся даже похолодела от непонятно к чему сказанных слов. А вдруг он обидится, пожмет плечами, ответит «ничего» и уйдет?

Но Борис Платонович не обиделся, а улыбнулся. Улыбка его не была веселой, это она еще во время их первого разговора заметила и потом, когда начала работать в его отделении, все время отмечала. Но все равно Алеся знала, что он рад ее видеть. Она и не знала это, а чувствовала.

– Хотел. – Он не отводил от нее взгляда. – Но не скажу. Может, потом когда-нибудь. А пока давай просто посидим немного. Можно так?

Алеся кивнула. Ответить словами она не могла – у нее перехватило горло.

Борис Платонович сидел спиной к огромному витринному окну, а Алеся напротив. Начался дождь, и проглянуло от этого у него за спиной, в уличных сумерках, предвесье осени.

Они пили кофе молча, но молчание не было тягостным. Алеся чувствовала, что для него так же, как для нее.

– Мы сюда после школы часто ходили. – Борис Платонович первым нарушил молчание. – Пили молочный коктейль. Девчонки его любили. Вино уже позже стали пить и не здесь, конечно.

– А где?

– В парке Горького. Там есть такая огромная липа, лет сто ей, если не больше. Сидели под ней, болтали, выпивали. Но вообще-то не очень вином увлекались. Потребности не было. И так было радостно жить.

– А теперь разве нет?

Вопрос вырвался как-то сам собою.

– Не знаю, милая. – Он улыбнулся чудесной своей улыбкой. – Когда работаю – да. А вообще... Не всегда удается внушить себе радость.

От того, что он сказал ей «милая», голова у нее закружилась так, что она даже не поняла, что он сказал кроме этого. Поэтому ничего не отвечала, а только смотрела на него, на расчерченное дождем синее окно у него за спиной и не чувствовала ни смущения, ни тревоги, одно лишь счастье.

Так, в молчании, допили кофе, и Борис Платонович сказал:

– Пойдем?

Алеся кивнула. Она боялась, что любовь переполнит ее и хлынет слезами. А ей казалось неправильным плакать от счастья.

Но только первая встреча была у них такая, что кто-нибудь другой, не Алеся, наверное, назвал бы ее странной. А потом они стали встречаться часто, хотя и ненадолго – поесть после работы, поговорить о чем-нибудь, и не обязательно о работе. Борис Платонович любил читать, Алеся тоже, и разговаривать им было поэтому интересно. Он выписывал журнал «Иностранная литература», Алеся о таком даже не слышала, но он стал приносить ей номера, и свежие, и за прошлые годы, она прочитывала их один за другим, быстро и жадно, и разговаривать с ним ей потом становилось еще интереснее, если такое вообще было возможно.

Однажды Борис Платонович позвал ее вечером в кино на «Дьявол носит Prada». Перед сеансом зашли в кафе «Батлейка» рядом с кинотеатром «Октябрь», и он взял себе взбитые сливки, а когда Алеся удивилась такому выбору – уже знала, что он не любит сладкое, – сказал:

– Я помню, как «Батлейка» открылась. Тогда это было чуть ли не единственное место в городе, где продавались взбитые сливки. Моя будущая жена очень их любила, я ее сюда то и дело водил и сам к ним привык.

Он впервые упомянул о своей жене. То есть Алеся, конечно, знала, что у него есть жена и два сына, один школу заканчивает, другой в первый класс пошел, но сам он никогда о своей

семье не говорил. А теперь сказал, глядя ей в глаза, словно ожидая от нее каких-то слов. Алеся отвела взгляд. А что она могла бы сказать?

Он первым нарушил молчание.

– Не бывает ошибок однократного действия, – сказал Борис Платонович. – Я имею в виду те, которые существенно влияют на жизнь. Из первой вытекает вторая, из второй третья, и конца этому нет. Во всяком случае, в моей жизни получилось так.

Это могло означать только одно: что он считает свою женитьбу ошибкой. Но даже если она правильно догадалась, разве можно сказать ему об этом? Вряд ли он ожидает от нее подтверждения своим словам.

Билеты у них были на один из последних рядов, в углу. Из-за «Батлейки» на сеанс немного опоздали и вошли уже в темноте, но людей в зале было мало, и они быстро прошли на свои места, поднявшись на самый верх амфитеатра. Свободен был весь их ряд. Алеся сняла мокрый от дождя плащ и положила на соседнее кресло. Борис Платонович взял ее руку, положил себе на колено и накрыл своей рукой. Так они сидели все время, пока шел журнал – какой-то документальный ролик. Алеся не понимала, о чем он. Она боялась, что ее рука начнет дрожать у него на колене. Так и вышло: ее пальцы вздрогнули в ту минуту, когда начался фильм, чуть сжали его колено. Борис Платонович повернулся к ней. Свет от экрана блеснул в его глазах. Он взял Алеся за плечи и стал целовать. Она никогда ни с кем не целовалась, так вышло. И хотя всегда стеснялась этого, теперь подумала, что, наверное, так и должно было в ее жизни быть, иначе она, может, не чувствовала бы сейчас такого счастья. Такого безраздельного счастья. Но тут же и мысли, и слова исчезли в сплошном звенящем сиянии у нее внутри. Или не сиянием это называлось? Названия она не знала, но знала, от чего оно – от его безудержных поцелуев.

Потом Борис Платонович обнял ее, и дальше она смотрела фильм, положив голову ему на плечо. Если об этом можно было сказать «смотрела» – Алеся не то что не понимала, но даже не видела, что происходит на экране.

После кино он проводил ее до автобуса и еще раз поцеловал на остановке, уже не безудержно, а тихо и ласково, на прощание. Она не спала всю ночь. Хорошо, что завтра была суббота, и хотя Алесе поставили дежурство, Бориса Платоновича не было в отделении. Она не представляла, как поздоровалась бы с ним при всех, как смогла бы сделать вид, будто ничего не случилось. Из рук у нее ничего не валялось, потому что у нее вообще никогда ничего не валялось из рук, но голова была переполнена мыслями, от которых хотелось бежать, как от ночных кошмаров.

Нет, не хотелось ей бежать от этих мыслей! Хотелось думать о нем постоянно, вспоминать его поцелуи, его руку поверх своей руки, его слова при прощании: «Милая ты моя...» Да, так он сказал на автобусной остановке, и слова эти, хоть были произнесены совсем тихо, звучали в ее голове, как набат.

В понедельник Алесе пришлось взять отгулы: позвонила мама, сказала, что бабушка совсем расклеилась – говорит, пора на тот свет готовиться, и просит внучку приехать. Алеся переполошилась и, конечно, тут же выехала. С тех пор как она поступила в медицинский колледж, бабушка, папина мама, перебралась из Багничей в Пинск.

В медицинском смысле тревога оказалась ложной: бабушка просто слегка приболела, кардиограмма для ее возраста выглядела неплохо, анализы были в порядке, и общая слабость, похоже, одним лишь возрастом объяснялась.

– Не сердись на нее, дочка, – сказала мама. – Старый человек, за каждым поворотом смерть мерещится.

– Ну что ты, мам. – Алеся махнула рукой. – Все в порядке, и слава богу. К вам лишний раз приехала, разве плохо?

– Хорошо. – Мама всмотрелась в ее лицо. – Только встревоженная какая-то. Случилось что?

– Нет, ничего.

Они сидели в кухне вдвоем. Папа уже спал, бабушка тоже. В поезде Алесю продуло, она шмыгала носом и пила заваренный липовый цвет. Мама собирала изделия полесских ремесленников, и чайник у нее был из чернозадымленной керамики, а на рушниках, покрывающих стол, были вышиты голубые и алые цветочные орнаменты.

– Смотри, настоялся как. – Она налила липовый отвар в Алесину чашку. – Как бурштын.

Отвар действительно получился янтарный. Алесю с самого детства лечили таким от простуд, и цвет этот был для нее цветом надежности и покоя.

– Любишь ты кого-нибудь, Алесья?

Если бы мама спросила, как все спрашивают: «У тебя кто-нибудь есть?» – ответить было бы не трудно: отношения с Борисом Платоновичем не позволяли говорить, что он у нее «есть». Но мама спросила о том, что размышлений у Алеси не вызывало.

– Да, – ответила она.

– Он кто?

– Врач. Завотделением наш.

– О господи!

Чайник задрожал в маминых руках, липовый отвар пролился на рушник. Алесья промолчала. А что скажешь? Понятно, что заведующему отделением не двадцать лет и что вряд ли он одинокий.

– Оставь ты это, детка моя. – Мама первая нарушила тягостное молчание. Голос ее дрожал. – Не для тебя это. Ответить было нечего. Хорошо, что мама и не ожидала ответа. – У нас сроду этого в семье не было, – сказала она. – Ни по крестьянской линии, ни по шляхетской – ни у кого.

– По какой еще шляхетской?

Алесья улыбнулась. Улыбка вышла какая-то жалобная, но вопрос все-таки маму отвлек.

– Ну а Вероника Францевна, папина бабка, кто была? – сказала она. – Пинская шляхта, застенковая.

– Никогда ты мне этого не говорила! Что такое застенковая?

«Пинская шляхта» называлась комедия Дунина-Марцинкевича, ее проходили в школе. Алесе она казалась слишком уж простой, вроде «Недоросля», как мама ни старалась внушить к этой пьесе интерес на уроках белорусской литературы.

А сейчас действительно стало интересно, несмотря даже на расстроенность чувств.

– Застенковая, околичная – значит, мелкая. Такая усадьба, как у Водынских, застенком называлась. Дом хоть и не в самой деревне стоит, а все-таки за околицей, но хозяйство по сути крестьянское. Однако домашняя жизнь не на крестьянский лад была у них устроена, и гонор был шляхетский. – Мама увлеклась, и, как всегда в таких случаях, учительские нотки зазвучали в ее голосе. – Когда Польшу разделили и русские власти стали разбор шляхты делать, Водынские гордились, что их грамоты не утеряны и в мещане их не запишут, как многих. А что тебе про это не рассказывала, так я и сама не знала. Папа наш, сама знаешь, молчаливый, да и вообще люди раньше о таком помалкивали, это сейчас модно стало корни искать. Я и запрос в архив посылала. И бабушку расспрашивала, но у нее со свекровью не сложились отношения, так что она про Веронику Францевну мало знает. Вот про своих родителей охотно говорит, и крестьянская линия нам поэтому хорошо известна. Ну, у крестьян не меньше интересного в поколениях, чем у шляхты. Но того, чтобы с женатым мужчиной... – Мама все-таки вернулась к тому, что волновало ее сейчас больше всего. – Алесья, никогда у нас такого не было! Брось ты это, пока не поздно.

«Поздно», – подумала Алесья.

Все стеснилось у нее в груди от этой мысли, и она поспешила спросить:

– Так что, про Веронику Францевну бабушка совсем ничего не помнит? Или что-нибудь рассказывала все же?

– Ты мне зубы не заговаривай! Вдруг тебе до Вероники Францевны дело стало! О себе подумай, не о ней.

О себе!.. Так пугали эти мысли, что в самом деле хотелось спрятаться за чьей-нибудь жизнью. И Вероника Францевна, пинская шляхтянка, отделенная от нее глубиной времени, очень в этом смысле подходила.

Глава 6

– «И тут он увидел Косу Береники, что свет проливает среди огней небесных». – Папа поднял взгляд от книги и спросил: – Ты разумеешь, о чем речь?

Вероника поспешно кивнула, не то чтобы совсем этим жестом соврав, но все-таки немножко слукавив. Конечно, когда папа читал Катулла на латыни, она понимала смысл стихов еще меньше, а правду сказать, почти ничего не понимала. Но и когда он с листа переводил латынь на русский, польский или белорусский, ей не все было понятно, потому что мыслями она блуждала далеко и от комнаты с низким потолком, и от папы, сидящего в кресле, обтянутом потертым аксамитом, и от самого застенка Багнич. Может, как раз среди огней небесных летали ее мысли, там, где, согласно Катулловым стихам, развевались сияющие косы Береники.

– Тогда слушай дальше, – сказал папа. – «Разве любовь не мила молодой жене? И разве не лжива ее девичья слеза, когда перед глазами родительскими плачет она у брачного ложа, утешного ложа?»

– Франтишек, оставь ее в покое. Как не стыдно такое дочке читать?

Мать вошла в комнату с деревянным подносом в руках. На подносе стояли черная керамическая миска, такое же блюдо и стеклянная рюмка с серебряным вензелем.

– С чего мне должно быть стыдно? – Папа снял очки и положил на открытую книгу. – Ей в гимназию поступать. Надо знать великих поэтов. Чтоб не стыдно было перед коллежанками. А то станут застенковой звать.

– Она и есть застенковая. – Мать поджала губы. – Нечего стыдиться. А тебе лекарство пора принять. Только сперва поешь, чтоб живот не заболел.

Она поставила поднос на резной деревянный столик, сняла вышитые салфетки, которыми накрыта была еда. Папа покорно взял с блюда блин и принялся есть, окуная его в миску, наполненную мачанкой, и подхватывая оттуда блином кусочки копченого мяса.

Вероника вертелась на своей табуретке, чуть не подпрыгивала. Ну когда уже ей позволят идти на все четыре стороны? Но папа не обращал на нее никакого внимания. Собрал блином остатки мачанки со дна миски, выпил лекарство из рюмки, поморщился, заел...

– Что ты крутишься? – Наконец он заметил дочкино нетерпение. – Слушай дальше.

– Татачка, давай завтра дочитаем? – жалобно попросила Вероника. – Целую страницу на память выучу!

– К деду Базылю торопишься? – поморщился папа. И, глядя на мать, добавил: – От деревенских не отличить, растет как осот. А ты еще говоришь, зачем ей Катулл!

– Иди, дочка. – Мать бросила ему в ответ привычно колючий взгляд. – Вячэрать не опаздывай.

– Дед Базыль уху сварит, я с ним повячэраю!

Выбегая из комнаты, Вероника услышала папин вздох. Но все это – и его фантазии, одной из которых было чтение ей Катулла, и то, как относится к этому мать, и сами отношения между родителями – было слишком привычно, чтобы обращать на это внимание.

«Вот как странно, – подумала Вероника, пробегая к загороди, вдоль которой росли мальвы. – И речка ведь тоже привычная, и рыбу ловить. А не надоедает!»

Но задумываться об этом было некогда. Дед Базыль обещал взять ее с собой на вечернюю рыбалку и ждать точно не станет.

Дедом он Веронике не был, да и никакой родней не был – шляхта с крестьянами не роднилась, во всяком случае, в Багничках, – но относился к ней с расположением, удивительным для его мрачного нрава. И она готова была проводить с ним часы и дни напролет. Не было на свете такого, чего дед Базыль не умел бы, и ни с кем она поэтому не чувствовала такой

уверенности в том, что мир прочен и надежен. И болотная зыбь, на которой стояли Багниччи, ничуть ее уверенности не мешала.

Сбежав с невысокого холма, Вероника оглянулась на усадьбу. Солнце, садясь, освещало дом, и его крытая камышом крыша переливалась в закатных лучах, как струны арфы. Когда Вероника была маленькая, папа привез ей из Пинска, из книжной лавки Эдмана, большую немецкую книгу про музыкальные инструменты, и вид золотой арфы в этой книге заворочил ее. Очень хотелось выучиться на арфе играть, но взяться такому чуду в Багниччах было неоткуда, и пришлось удовольствоваться настольной фисгармонией, которую папа выписал год назад из Кракова на Вероникин день рождения. Мать и фисгармонию считала блажью – говорила, лучше бы училась шить, про богатого мужа мечтать не приходится, самой придется семью обшивать, а то и на хлеб зарабатывать. Но папа уже был тогда болен, ноги у него отнялись, материнская ревность и бурные ссоры между родителями поэтому прекратились, и мать предоставила дочкины занятия его фантазиям. Давать Веронике музыкальные уроки, правда, было некому, но природный слух помог – она даже «К Элизе» Бетховена сумела разучить самостоятельно по прилагавшимся к фисгармонии нотам.

Еще дома, в сенях, Вероника натянула высокие болотные сапоги и плащ из рогожи. Когда подбежала к хате деда Базыля и не увидела его, опрометью бросилась прямо к реке, благо та разлилась до самой загороди Базылева двора.

Дед уже стоял в своем длинном, выдолбленном из цельного дубового ствола челне. Он не сказал ни слова, только бросил на Веронику мрачный взгляд. Но та не обиделась: слова она, как все полешуки, считала в большинстве случаев излишними, да и взгляд деда Базыля не казался ей таким мрачным, каким показался бы постороннему человеку. Вероника запрыгнула в челн, взяла весло и оттолкнулась от берега.

Весной Ясельда всегда разливалась широко, сливалась со множеством протоков, своих и Припяти, и превращалась в настоящее море. Папа рассказывал, что древнегреческий историк Геродот еще две с половиной тысячи лет назад его описывал, и есть средневековые карты, на которых оно обозначено. Море Геродота давно высохло и оставило после себя лишь бесконечные болота. Но во время разлива и слияния всех полесских рек оно, как в древности, расстилось до самого горизонта, и летел по нему челн, подгоняемый быстрым весенним течением.

Свернули в протоку и поплыли под стоящими в воде деревьями. В обычное время здесь была пойменная дубрава, поэтому не речная, а лесная трава видна была теперь сквозь ясную воду. И лицо Вероники отражалось в этой воде, как в зеркале, и пряди полурасплетенной русой косы, перекинутой на грудь, путались в отражении с ушедшей под воду лесной травой.

– Чего там выглядываешь? В наставку загоняй, – буркнул дед.

Вероника поспешно отвела взгляд от своего же взгляда в лесной воде.

Дед погрузил в воду сплетенный из лозы конус – наставку – и принялся опускать его все ниже, пока тот не оказался на дне. Вероника с силой водила под водой веслом, загоняя рыбу в наставку, а дед Базыль точными ударами бил рыбин багром и бросал в челн.

Снастей у него было множество – и поплавы, и катцы, и нережки, и клонли, и неводы зимние, и неводы летние; Вероника знала их все как свои пять пальцев. Но сейчас он долго рыбачить не собирался, потому и взял с собой одну лишь наставку. Еще затемно его внук Ясь на другом челне повез весь сегодняшний ранний улов в Пинск. Потому дед и отправился за рыбой на ужин, а для одной лишь своей семьи требовалось ее не много, не то что для продажи на пинском рынке.

Пока он тут же в челне потрошил и чистил рыбу, Вероника вытянула из воды наставку.

– Этих матке отнесешь. – Дед отобрал нескольких крупных язей и бросил в корзину. – Ухи наварит, или что там у вас едят.

Мать запекала рыбу в металлической рыбнице и подавала с польским соусом. Папа привык к городской еде и не хотел отвыкать. Застенок Багниччи был материнским приданым, здесь

она родилась и жила до того, как поехала в Краков погостить к тетке и скоропалительно вышла замуж за Франца Водынского, дружившего с теткинским сыном. Брак считался удачным: Водынские владели в Кракове мануфактурой, Франц был наследником. Никто не ожидал, что женина усадьба на болоте вдруг окажется единственной собственностью молодой семьи. Сельскую жизнь Франц Водынский ненавидел, Багнички считал западней, так и кричал когда-то жене во время ссор. Но деваться отсюда было теперь некуда: денег, оставшихся после того, как мануфактура Водынских разорилась, только на сельскую жизнь и хватало. И то если жить в глуши Полесья, где питаться можно тем, что дают река, лес и скудное поле.

То есть это родителям некуда было деваться, а Веронику папа намеревался отправить в Пинск, чего бы это ему ни стоило, и сам готовил ее к поступлению в гимназию, обучая бесполезным, по материнскому разумению, вещам.

– Отдохни, дедушка, – на обратном пути сказала Вероника. – Я с веслом управлюсь.

Не было в Багничках человека, который не умел бы управляться с веслом, и Вероника тоже умела, конечно. Стоя в челне, она будто и не управляла им вовсе, а ощущала весло частью себя, как руку или ногу.

Ветви деревьев низко склонялись над водой, и от того, что она поднялась до середины стволов, казалось, челн плывет не в настоящей, а в сказочной дубраве. Или не от этого все здесь выглядит таинственным? В лесу и на болоте что угодно ведь случается, и встреча с волколаком так же возможна, как с обычным волком, сколько бы папа ни говорил, что все эти волколаки и русалки – забавы темных людей, а человека образованного они могут интересовать только в этнографическом смысле.

– А помнишь, ты про папарты-цветку говорил? – вспомнила Вероника.

Про папарты-цветку дед Базыль коротко упомянул вчера, выпив келишек водки. Эх, вчера и надо было побольше порасспрашивать! Водки сегодня уже нету, а без нее из деда слова не вытянешь. Может, Ясь из Пинска ему привезет?

– Помню, – неожиданно кивнул дед Базыль. – А тебе что до папарты-цветки?

Он сидел на дне челна перед Вероникой и, ей казалось, усмехался в бороду.

– Интересно же! Говорят, она только один миг цветет – как глазом моргнуть. И сияет, как падающая звезда. А правда, что в папарты-цветке душа русалки живет?

– Може и правда.

– А ты русалок видел когда-нибудь?

– Много раз.

У Вероники даже мурашки по спине побежали от любопытства.

– Ой, дедушка! – воскликнула она. – И какие они?

– Весло не утопи, – буркнул дед. – Русалки какие? Обыкновенные. Огни на болоте. В осень там не только они блукают, всеякой нечисти много.

Болот Вероника не боялась. И странно было бы бояться: они начинались сразу за холмом, на котором стояли Багнички, и тянулись далеко, до самой Волыни. Она с рождения видела их из окна усадебного дома и ходила по ним так же легко, как управляла челном. Но все-таки поежилась, представив, кого можно встретить на болотах в осенние сумерки. Волколаку еще и обрадуешься, может.

Наверное, тень испуга пробежала по ее лицу. Дед улыбнулся уже не в бороду, а во весь щербатый рот.

– Не пугайся, – сказал он. – Как встретишь нечисть, сразу работу ей давай.

– Какую же нечисти работу?.. – пробормотала Вероника.

– А любую. Лишь бы до рассвета хватило. Бабка Тэклия, когда девкой была, пошла за клюквой и целое стадо чертей встретила.

– Это, может, и не черти были, а просто дикие свиньи! – хмыкнула Вероника.

Но как ни храбрилась, ей стало совсем уж не по себе. Она покрепче перехватила весло, направляя челн из протоки в реку.

– Может и свиньи, – не стал спорить дед. – Только по болоту от них гул пошел, огни побежали, и застонал кто-то.

– И что бабка Тэкли стала делать? – прошептала Вероника.

– Она тогда не бабка была, а девка, – напомнил дед Базыль. – Коса у нее была, как у тебя. Сети, а не коса. Тэкли ее скоренько расплела и чертям задала заплетать. Так и сказала: заплетайте мне косу по одному волосу.

– И что они?

– До утра плели. Она всю ночь с места сдвинуться не могла. Нибыта и правда в сети попала. Думала, в багну затынет. Да нет – утром выбралась. Поблукала трошки и вышла к застенку. Вся трясется, глаза варьятские. Старая пани ее клюквенной наливкой отпаивала. Расспроси татку с маткой, она им рассказывала, может.

Неизвестно, рассказывала ли старая пани – так в деревне называли Вероникину прабабушку – об этом случае своей родне, но если и рассказывала, спрашивать об этом папу не стоит. Он поморщится и скажет, что лучше бы Вероника приобщалась к настоящему культурному наследию. Катулла заставит выучить, да еще на латыни, может. Или Вергилия.

Какая-то мысль промелькнула в ее голове так быстро, что Вероника не успела ухватить ее за хвостик. Но дальше плыли молча, и она все-таки смогла эту мысль догнать.

Вот папа читает ей поэму Катулла про Косу Береники, а потом показывает созвездие, которое так и называется, учит отличать его от Волопаса и Льва, и ей это интересно, правда интересно, она впитывает в себя папины рассказы, и Коса Береники видится ей потом в ясных снах. Но ведь точно так же интересно ей слушать и про папарты-цветку, и про то, как болотная нечисть Тэкле косу заплетала... А папа считает, что интересно может быть либо одно, либо другое, и если она просвещенный человек, то должна читать Катулла и Вергилия, а если верит в рассказы темных людей, то и проживет свою жизнь в умственной тьме.

И кого спросить, так ли это? Дед Базыль ответит свое, папа свое, а мать в очередной раз повторит, чтобы Вероника училась петли метать и кулагу варить – пригодится, когда замуж выйдет и дети пойдут, на прислугу рассчитывать нечего, все самой придется делать.

Челн уткнулся в берег. Вероника выпрыгнула на песок, дед выбрался тоже, вытянул челн из воды, забрал из него большую корзину с рыбой. Вероника взяла вторую, меньшую, и пошла вслед за дедом к его хате.

Ясь уже вернулся из Пинска. Вместе с бабкой Тэблей он стоял во дворе у очага, сложенного из дикого камня. Над очагом висел чугунок, в котором закипала вода. Бабка сразу стала варить уху из принесенной рыбы, а дед, Вероника и Ясь пошли в хату.

– Рыбу всю Протасеня взял у меня, – сказал Ясь. – Гроши дал добрые...

В его голосе слышались виноватые нотки.

– А сам ленился поторговать, – хмыкнул дед. – Чего оптом отдал?

– Не ленился, а... Не умею ловчить, все ж знают, – вздохнул Ясь. – Обвели б вокруг пальца, что хорошего?

Весь его вид – соломенные волосы, похожий на молодую картошку нос, а главное, кроткий взгляд – подтверждал эти слова.

«Зато у него руки золотые», – подумала Вероника.

Ясь однажды вырезал для нее из дерева бусы, притом в виде цепочки. И как сумел цепочку сделать из цельного липового сука? Непонятно. А из капа – нароста на березе – вырезал шкатулку и к ней деревянный замок, маленький, но настоящий, навесной, запиравшийся деревянным же ключом. Так что его неумение торговать, конечно, нельзя было считать недостатком.

Когда дед Базыль сам возил рыбу на пинский рынок, то однажды взял с собой Веронику. Поездка с ним понравилась ей не меньше, чем с папой.

Папа водил ее в книжные магазины, которых в Пинске оказалось так много, что Вероника даже запуталась, где какие книги продаются, а потом завел в гимназию, где, он надеялся, ей предстояло учиться. Папа был знаком с директором, и тот разрешил подняться на второй этаж, где занимались девочки, а потом посмотреть зоологический кабинет с макетами животных из папье-маше и чучелами птиц, и кабинет минералогии, для которого коллекция была прислана из Вильно.

В книжных лавках и в гимназии было тихо, торжественно, и восторг смешивался в душе Вероники с робостью. А на рыбном базаре, который тянулся вдоль берега Пины, наоборот, было шумно, потому что, продавая рыбу прямо с лодок, все старались перекричать друг друга, и никакой робости она там не почувствовала, а только любопытство.

В Пинске ждала ее новая взрослая жизнь, ждали перемены, и начаться они должны были совсем скоро.

Бабка Тэгля внесла в хату чугунок, разлила уху по мискам. Вероника увидела, как золотые монетки жира плавают на поверхности ухи, и чуть не заплакала. Ведь всего этого в новой ее жизни не будет! Ни ухи с золотыми монетками, ни челна, вольно летящего по морю Геродота, ни болот с редколесьем, в котором осенними ночами мерцают души русалок... И зачем ей тогда какая-то новая жизнь, зачем самые счастливые перемены, если из-за них она лишится всего этого?

Глава 7

Перемен не бойшься, когда не имеешь к ним тяги. Это Алеся знала по собственному опыту. Она была рассудительна, в переменных ради перемен не нуждалась и любой выбор делала разумно. Но при таком ровном отношении к себе и к миру перемены в ее жизни все равно происходили, и резкие перемены, и болезненные.

Однако в нынешней перемене ничего болезненного не было. Алеся просто перевезла свои вещи из Павшинской поймы в Подсосенский переулок, в квартиру Ирины Михайловны. Комнату ей отвели небольшую, но большая была и не нужна, тем более что высокие потолки и так создавали ощущение простора.

Характер у Ирины Михайловны в самом деле оказался не из тяжелых. Алеся без особого труда разобралась, что та равнодушна к еде – каждый день завтракает обезжиренным творогом, и это ей не надоедает, а обед, тоже очень простой, из одного блюда, либо готовит сама, либо его привозит фирма «Домашняя кухня», принадлежащая какому-то знакомому Игоря Павловича. Еще Ирина Михайловна привыкла, чтобы ее вещи находились только на отведенных им местах, в частности, чтобы английская жестяная коробочка с чаем всегда стояла непосредственно возле чайника, а не в кухонном буфете.

Все эти бытовые мелочи легко было запомнить. А ничего более крупного, значительного в жизни Ирины Михайловны уже и не было.

Стоило Алесе подумать о мелких составляющих этой жизни, как сразу же приходило в голову сравнение с жизнью собственной. Все, что она выполняла по работе – принимала больных в отделение, раздавала лекарства, делала назначенные процедуры, – было, наверное, важнее, чем чтение новостей и английских романов или раскладывание пасьянсов, то есть те занятия, которым посвящала свои дни Ирина Михайловна. Конечно, важнее, потому что Алесяны действия были необходимы большему числу людей. Но по размерности и однообразию жизни между ней и Ириной Михайловной обнаруживалось слишком много сходства. Радовать это не могло, поэтому Алеся выбрасывала ненужные мысли из головы, говоря себе: «Жить ей не скучно, и с ней не скучно. Этого достаточно».

С Ириной Михайловной действительно было не скучно. Она не рассказывала житейских историй, но и хорошо – их Алеся как раз не любила, считая неотличимыми от обычных сплетен, только в прошедшем времени, – а говорила лишь о существенных вещах. Как всякий, кто работает с постоянно сменяющимися друг друга людьми, Алеся видела немало людей умных. Но те, кого интересовало бы в жизни только существенное, встречались редко. Ирина Михайловна была как раз из таких, и это это привлекало к ней даже больше, чем ее легкий характер.

– Алеся, – спросила она однажды, – легко ли вам было привыкнуть к Москве?

Алеся не считала, что привыкла к Москве, так и ответила Ирине Михайловне.

– А почему? – заинтересовалась та.

Именно интерес был в ее глазах, а не пустое любопытство.

– Жизнь здесь жесткая, – объяснила Алеся. – Гораздо жестче, чем у нас. Да вы и сами знаете.

– Я не то чтобы знаю, но понимаю. А вот как вы это поняли?

Алеся поняла это сразу по приезде в Москву. Она возвращалась вечером с работы, в метро стало плохо какому-то мужчине – сердце прихватило. В час пик вагон был полон, Алеся не сразу протолкалась к нему. И все время, пока проталкивалась, краем глаза видела, что большинство людей смотрят в свои телефоны или просто перед собой, не обращая внимания ни на что, происходящее не с ними.

– У нас бы так не было, – сказала она Ирине Михайловне. – Не то что все такие уж добрые, кто-то и помогать бы не стал, но хоть из любопытства посмотрел бы, в чем дело. А у вас здесь

и любопытства в людях меньше в тысячу раз. Я потом одной нашей медсестре про тот случай рассказала, и она мне объяснила: мы в Москве постоянно окружены такой толпой людей, что у нас просто не хватит сил на себя, если будем на посторонних расходовать.

– Отвратительно, – поморщилась Ирина Михайловна. – Человек выдает свою нравственную ущербность за качество общей жизни. Отвратительно! Надеюсь, вы не поверили этой вашей коллеге?

– Не знаю... – проговорила Алеся. – Отзывчивые люди везде есть, конечно. Но общая жизнь... Она здесь совсем другая. В Москве даже время как-то по-другому идет, – вспомнила она. – Правда-правда! Я, когда только приехала, то и дело на часы поглядывала. Думаешь, час прошел или два, а на самом деле весь день. У нас время медленное, текучее. В Пинске, на Полесье, – уточнила она. – Может, потому что мы на болотах живем.

– Ну уж, на болотах! Я недавно видела передачу про одну американскую даму, которая перед войной по вашему Полесью путешествовала. Оно тогда еще польское было. И современный Пинск тоже показывали. Очаровательный городок. – Старушка улыбнулась. – Чистенький такой, и никаких болот.

– В Пинске-то болот, конечно, нет. – Алеся улыбнулась тоже. – А Багнички на самых болотах стоят. Это деревня, от Пинска недалеко, мой папа оттуда родом. Я однажды туда к бабушке на каникулы приехала, с девчонками за ягодами пошла и потерялась. Точно как в сказке: кустик за кустик, деревце за деревце... Чуть в трясину не затянуло. Хорошо, что пастух услышал, как я кричу.

– Представляю, как ваша бабушка испугалась.

Ирина Михайловна даже поежилась.

– Да, – кивнула Алеся. – За руку меня по болотам водила после этого – учила, как по ним ходить. Говорила, в жизни все может пригодиться. Но мне не пригодилось.

– В Москве, конечно, требуются другие жизненные навыки, – тактично заметила Ирина Михайловна.

– Конечно, – улыбнулась Алеся.

– Впрочем, неизвестно, какие умения понадобятся через несколько лет. Дамы моего возраста обожают цитировать Экклезиаста и Воланда, утверждая, будто люди не меняются. Но это же не так! Люди изменились буквально на глазах, и очень сильно. И даже не в том, что касается новых технологий, а в самых простых вещах.

– В простых – это в каких?

Разговор, который Алеся сначала лишь поддерживала, чтобы не уйти невежливо сразу после того, как измерила Ирине Михайловне на ночь давление, стал вдруг жгуче интересным.

– В изначальных, я бы сказала. В том, например, что значит для человека семья.

– В этом как раз ничего не изменилось, – усмехнулась Алеся.

– Не скажите. В моей молодости жить без мужа было очень трудно, чтобы не сказать невозможно. Даже в Москве. Тяжелый быт, нищенские зарплаты – люди вынуждены были держаться друг за друга хотя бы ради выживания. А сейчас вполне можно прожить одному.

Алеся молчала. Ей не хотелось ни опровергать это, ни подтверждать.

– Вам неприятна эта тема? – догадалась Ирина Михайловна.

– Нет-нет, – поспешно возразила она. – Мне интересно, что вы про это думаете.

– Я думаю, если люди не вынуждены быть вместе, чтобы выжить, то им приходится искать какие-то другие основания для совместной жизни. И не говорите, что дети достаточное основание, – сказала Ирина Михайловна, хотя Алеся ничего такого не говорила. – Детей тоже можно вырастить одному, часто даже лучше получается. Но что-то же связывает людей? Не в метафизическом смысле, а в обычной повседневности. Чувства на роль такой повседневной связи не подходят, они слишком изменчивы. А что неизменно, что надежно в отношениях между близкими? Чему они могут и должны доверять? Вот вопросы для современного чело-

века. Мой покойный муж дружил с одним весьма верующим иудеем, так тот утверждал, что любовь вообще не развивается, а дается сразу. А если сразу не дается, то это и не любовь. Но как ее отличить от простого сексуального влечения и как все это соотносить с терпением в построении отношений? Извините, Алеся! – спохватилась она. – Я краду ваш вечер отвлеченной болтовней.

Алеся могла бы сказать, что никаких планов на вечер у нее все равно нет, но это было бы нечестно: она разговаривала с Ириной Михайловной не потому, что больше нечем было заняться.

– С вами интересно, Ирина Михайловна, – сказала она.

– Разве? А мне кажется, в старости люди начинают изрекать одни лишь банальности.

– Все по-разному, – пожала плечами Алеся. – Вы – нет.

– Ну, может быть. Кажется, Ахматова в преклонных годах говорила: в моем возрасте интересуют уже только метафизика и сплетни. Не исключаю, что это же самое интересно не одним старикам. Если вам не трудно, достаньте мне, пожалуйста, с верхней полки Голсуорси. Захотелось перечитать.

Алеся забралась на стул, достала из книжного шкафа «Сагу о Форсайтах» и ушла в свою комнату, оставив дверь приоткрытой, чтобы услышать, если ночью понадобится помощь.

Слова Ирины Михайловны стояли у нее в памяти весь вечер.

Что неизменно, что надежно в отношениях между близкими людьми? Чему они могут и должны доверять? Алеся не знала. Но что чувства ни связью, ни опорой не являются, знала точно.

Глава 8

– Ну зачем ты это сделала? Почему со мной не посоветовалась?

Можно было спросить: «А зачем с тобой советоваться?» Но Алеся не спросила. Они встречались наедине не чаще раза в неделю, и драгоценного времени с Борисом было ей жаль, и просто забывала она о любых мелочах, когда приходило ее время с ним.

Алеся сидела на краю кровати, а Борис стоял перед ней и одной рукой гладил ее по голове, а другой протягивал ей бокал с шампанским. Даже два бокала, узкие, как дудочки, для себя и для нее, держал он между пальцами.

– Я сегодня утром дар речи потерял, когда в отделении тебя увидел, – сказал он. – Такая коса была!

– Она мне мешала. – Алеся взяла у него бокал. – На работе под шапочку не помещалась. И вообще...

– Что – вообще? Повзрослее выглядеть хотелось? – проницательно заметил он.

Вообще так оно и было. Борис всегда выглядел очень элегантно, и ей хотелось ему соответствовать. Конечно, они не бывают на людях вместе, но все-таки... Может, ему будет приятно видеть, что его любит эффектная современная женщина, а не примитивная девочка с косой.

То есть можно было, наверное, и из длинных волос соорудить прическу, которая выглядела бы не хуже стрижки, сделанной вчера в салоне на проспекте Скорины. Но со стрижкой нужный эффект достигался быстрее и проще.

Выпили шампанское. Алеся поставила свой бокал на пол и стала одеваться. Борис был уже одет. Он забрал оба пустых бокала и вышел из комнаты. Знал, что Алеся смущает, когда он смотрит, как она одевается.

В его объятиях не смущало ничего. Но как только размыкался их круг, не смущение даже, а тягостные мысли захлестывали ее.

Когда-нибудь это закончится. Но чем? Он сказал, что не сможет оставить сыновей. Это было год назад, в одну из первых встреч здесь, в квартире его приятеля, который уехал на стажировку в Польшу. У Бориса были от этой квартиры ключи.

– Я люблю тебя и приму любое твое решение, – вот что еще сказал он тогда.

Все двадцать лет своей жизни Алеся знала: надо делать что должно и будь что будет. В восьмом классе она выписывала в толстую тетрадку разные афоризмы – этот показался ей самым правильным. И весь ее разум, вся ее сущность говорили ей сейчас: «должно» означает расстаться с Борисом немедленно. Но любовь лишала ее и разума, и, наверное, сущности, и ничего было с этим не поделать.

Так есть ли смысл думать о том, что будет, раз ты все равно не делаешь что должно? Потому она и гнала от себя мысли о будущем, и лишь в минуты расставания с Борисом они захлестывали ее, как волны.

Может, если бы он был ее ровесником, все это закончилось бы раньше: ровесников вокруг много, все они схожи, и все ей понятны. Но Борис не просто взрослее, а значительно, он такой один, и то, что было ей непонятно в нем – что дается лишь годами и без опыта прожитых лет понятно быть не может, – сплеталось с любовью к нему и держало сильнее, чем самые прочные сети. И так это длилось до того дня, когда Алеся поняла, что беременна.

«Быть такого не может! – похолодев, подумала она. – Я же ни одной таблетки не пропустила!».

Глупость собственного лепета была ей очевидна. Еще в колледже на лекциях по гинекологии преподаватель говорил:

– Нет ни одного противозачаточного средства, которое действовало бы стопроцентно. И никогда не будет – природа не позволит.

Вот и не позволила. Хотя зачем могла понадобиться природе Алесина растерянность и тем более отчаяние, которое охватило ее, когда первая растерянность прошла? Никакого глубокого природного смысла она во всем этом не видела.

Но разум ее прояснился. Может, прояснение имело гормональную причину? Да, наверняка так – о гормональных изменениях, происходящих во время беременности, на лекциях тоже рассказывали подробно.

И в этом прояснении разума слова, сказанные Борисом в самом начале их связи: «Я приму любое твое решение», – приобрели прямой смысл.

Решить, что делать, могла только она, решить это надо было как можно скорее, и советовать об этом с Борисом требовалось не больше, чем о том, оставлять ли косу. Хотя значимость этих двух действий, конечно, невозможно было сравнивать. И сказать ему о беременности надо было уже после того, как у самой сложится какое-то решение. Алеся не знала, откуда у нее такая уверенность, да и решения никакого ей в голову пока не приходило...

Но после года связи с Борисом, после этого проведенного в смятении года, она своей уверенности обрадовалась.

Глава 9

– Вы умны, Алеся.

Обычно Игорь Павлович навещал свою маму днем, когда Алеся была на работе, поэтому виделись они не часто. И откуда бы ему знать о ее уме?

Но когда она спросила его об этом, он ответил:

– Глупые женщины не бывают красивыми. Разве что в восемнадцать лет. А вам-то не восемнадцать.

Она смутилась бы от этих слов, если бы и без них не понимала, что нравится ему. Для такого понимания не требовалось особенной догадливости, потому что он не особенно это скрывал. И то, что сегодня, застав ее дома, попросил проводить его до угла Подсосенского, а потом, когда до угла дошли, предложил посидеть в кафе, было лишь еще одним тому подтверждением.

– Мне тридцать, – сообщила Алеся.

Вернее, не сообщила, а напонила: паспорт-то ее он видел.

– И вы очень красивы, – кивнул Игорь Павлович. – Точнее, гармоничны. Поэтому элементарная логика подсказывает, что вы умны.

Он говорил прямо, потому что был прямым человеком, а не для того чтобы ей понравиться; это она тоже уже поняла про него. Естественность его прямоты не вызывала неловкости. Можно было бы даже сказать, что она подкупала, если бы в Игоре Павловиче чувствовалось хоть малейшее желание ее подкупить.

Маргарита, с которой Алеся еще больше подружилась за полгода, прошедшие после того как та впервые пригласила ее к себе на дачу, недавно сказала про Леню Эткина, у которого работала операционной сестрой в хирургии:

– Он из таких, знаешь... Которые «менопорше» покупают.

А когда Алеся переспросила, что такое «менопорше», объяснила:

– Это английский термин. Недавно появился, я в инстаграме у кого-то видела. От слов «порше» и «менопауза». Когда мужчина от страха перед старостью покупает себе спорткар и начинает как подорванный девчонок клеить.

Игорь Павлович ездил на метро или на «Вольво» и Алеся не клеил. Она, конечно, не девчонка, но и его отношение к ней на страх перед старостью не похоже.

Погода всю зиму стояла сырая, и пока шли до кафе, Алеся продрогла. Игорь Павлович взял себе и ей гранатовый кофе, сваренный в турках на песке. Кофе принесли в деревянных бокалах. Алеся грела руки о теплое дерево.

– Вы не очень устаете с мамой? – спросил Игорь Павлович.

– Совсем не устаю. У нее легкий характер, вы же сами говорили.

– Это я так считаю. А у вас другое может быть восприятие. Скажите, могу я называть вас на «ты»? – без паузы спросил он.

– Конечно. Мне хоть и не восемнадцать, но и не шестьдесят еще. Вы могли бы и не спрашивать.

Сказав это, она подумала, что не знает, сколько лет Игорю Павловичу. Может, упоминание шестидесяти как возрастного рубежа показалось ему обидным?

– Дело не в возрасте. – Он пожал плечами. – Меня тоже можешь на «ты» называть. Я потому спрашиваю, что мы же не в Англии, чтобы такие вещи были понятны по умолчанию. Ты «Аббатство Даунтон» смотрела?

– Ирина Михайловна смотрит. А я так, краем глаза иногда.

– Вот там все очень внятно. К кому как обращаться, кто и что обязан делать, что не обязан, какую черту нельзя переходить.

– Но это же про английский высший свет, – сказала Алеся. – И действие сто лет назад происходит.

– Сейчас, думаю, поменялись только повседневные правила, и то не все. А суть прежняя: каждый англичанин знает свои права, и никто не обижается, что они не безграничны.

– Я тоже не обижаюсь, – улыбнулась Алеся. – Хоть и не англичанка.

– Не англичанка, но такая, знаешь... Нездешняя.

– Инопланетянка, что ли?

Все-таки его слова слегка уязвили ее. Мог бы и не напоминать о своем московском происхождении!

Но оказалось, он имел в виду совсем не то, что она приезжая.

– Ты взрослая очень, – сказал Игорь Павлович. – Я таких, как ты, даже среди своих клиентов не много вижу, а они ведь серьезные люди. Но по сути в большинстве своем подростки. А ты очень взрослый человек. Европейский, я бы сказал.

– Почему европейский? – не поняла Алеся.

То есть Пинск, конечно, ближе к Польше, чем к Москве, но вряд ли он имеет в виду расстояния.

– Европейские люди умеют существовать в повседневности, – ответил Игорь Павлович. – Жить день за днем. А для наших жизнь – это взлет, порыв, прорыв.

– Разве это плохо?

Она в самом деле не понимала. Вернее, не знала по себе, что это такое. Но полагала, что если человек хочет в своей жизни взлета и прорыва, то он многого может достичь, и это положительное его качество. Тогда почему в голосе Игоря Павловича слышится неодобрение?

– В каких-то ситуациях неплохо. – Он пожал плечами. – В каких-то даже хорошо – в войну, например, или перед революцией, как сейчас.

Слова про революцию, да еще произнесенные таким обыденным тоном, как будто это всем очевидно, Алеся удивили. Какая революция, где – в Москве? С чего бы? Она хотела спросить, что он имеет в виду, но Игорь Павлович продолжил свою мысль в другом направлении, и оно показалось ей более важным, чем рассуждения о том, что не имеет отношения к ее жизни.

– Но повседневность нам скучна, – сказал он. – Обходиться с ней мы не умеем. А между тем она существует объективно, никуда от этого нашего неумения не девается. И поскольку на подростковом отношении к жизни долго не протянешь, дыхание у нас короткое. Не на долгую дистанцию. Да ведь об этом еще Чехов в «Иванове» писал, ты читала, наверное.

Он был приметлив и, конечно, обратил внимание, что она берет книги из большого книжного шкафа в гостиной, где стоит русская и зарубежная классика. И Чехова тоже брала, притом недавно. Да и Ирина Михайловна, может, говорила ему, что Алеся прочитывает все новые книги, которые он покупает для матери. Чтение еще в детстве стало для Алеся привычкой, и даже сейчас, когда забот у нее было не в пример больше, чем двадцать лет назад, она эту привычку не утратила, хотя читать удавалось только перед сном и совсем понемногу.

Что именно писал Чехов про короткую дистанцию, она, правда, не помнила, но говорить об этом Игорю Павловичу не стала.

– Ты выглядишь естественно в любых интерьерах, – неожиданно и как-то невпопад заключил он. – А это тоже качество свободного человека. Взять еще кофе? Персиковый, может, или медовой?

– Нет, спасибо, – отказалась Алеся. И, вертя в руке пустой бокал, заметила: – Не думала, что для кофе дерево подходит.

– Дерево для всего подходит.

– Вообще-то да. Моя мама историей интересуется, народными ремеслами. И старинные вещи собирает. Так у нее шкатулка с навесным замком есть. Всё деревянное, даже ключ.

– Ух ты! Кто же такое сделал?

– Неизвестно. Мама эту шкатулку в Багничках нашла. Там было имение наших предков. Ну, не настоящее имение, не фольварк, а так, застенок. Почти крестьянское хозяйство.

– Ты тоже историей интересуешься?

– Не то чтобы... Просто... В общем, было время, когда я много читала. – Она подумала, сейчас он спросит, что это за время такое было, и придется отвечать, а не хочется, поэтому поспешно добавила: – К тому же мама у меня учительница и любит обо всем, что сама знает, всем рассказывать. Ну и мне рассказывала.

– Что она преподает?

– Белорусский язык и литературу.

– А ты по-белорусски умеешь говорить? – с интересом спросил он.

– Конечно.

«Сейчас попросит что-нибудь сказать и будет удивляться, что паляванне – это охота, а не поле, а samotный – одинокий, а не смутный», – подумала Алеся.

Но Игорь Павлович сказал другое:

– Ты ничего о себе не рассказываешь. Почему?

– Потому что мало кому интересно слушать про другого. В основном про себя самого.

– Уверена?

– Ну, ради сплетен может быть и к другому интерес. Но ради сплетен зачем о себе рассказывать?

– Взрослая, взрослая, – повторил Игорь Павлович. – Даже слишком. – И, наверное, почувствовав ее мгновенно возникшую настороженность, попросил: – Расскажи хоть про вашу старину. Мне не для сплетен. Просто для личного развития. Где бы я еще послушал про этот, как его – фольварк?

– Застенок. Но я про это мало что знаю. Так, легенды о прабабушке.

– Кто она была?

В его голосе действительно слышался интерес. Как в тот день, когда они ехали в тамбуре битком набитой электрички, глядя в исхлестанное летним ливнем окно и разговаривая о вещах неважных, но почему-то увлекших их обоих.

«Я слишком спокойно вспоминаю тот день, – вдруг подумала Алеся. – Но так и надо, может?»

Ответить себе она не могла. Поэтому лучше было ответить Игорю Павловичу, даже при том, что и на его вопрос она могла ответить не многое.

– Она была из обедневшей шляхты, – сказала Алеся. – Училась в пинской гимназии, но закончить не успела – война началась, Первая мировая. Потом революция.

– Как ее звали?

– Вероника.

Глава 10

Вероника так устала за ночь, что к утру ее стали посещать предательские мысли – мол, и нечего своей усталости стыдиться. Но она эти мысли от себя гнала так же, как желание упасть на свободную койку и уснуть крепким сном. Правда, коек свободных в госпитале не было, так что если б и не гнала свои малодушные намерения, все равно не удалось бы их осуществить.

Керосин в лампе заканчивался, фитиль дрожал, затейливые тени колыхались на стенах, и ощущение тревоги, обычное перед рассветом, от всего этого усиливалось.

Вероника потеряла виски, это всегда помогало прогнать сон. Доктор Мазурицкая говорила сестрам милосердия:

– В ваши годы силы уходят медленно, а восстанавливаются быстро. Пользуйтесь этим и работайте, не щадя себя.

Весь этот год казался Веронике вспышкой молнии. И вместе с тем дни этого года были схожи до полного неразличения. Даже непонятно, как такие разные ощущения времени соединяются в ее сознании.

Прошлым летом, как только она закончила краткосрочные курсы сестер милосердия, начались бои за Волынь и фронт стал стремительно приближаться к Пинску. С тех пор ее жизнь переместилась в госпиталь. В комнатку, которую для нее снял папа, когда она поступила в гимназию, Вероника теперь приходила только спать, и то не всегда: если дежурство заканчивалось поздно, то безопаснее было оставаться в госпитале на ночь. А теперь линия фронта дошла уже до городских предместий, раненых везли и везли, и даже если бы сестры были так бесстрашны, что решились бы гулять по улицам в темноте, у них уже ни единого вольного часа не оставалось для прогулок.

– Панна Вероника, подойдите ко мне, прошу!

Вероника пробежала взглядом по шеренге коек в офицерской палате. Но и взгляда ей вообще-то не требовалось, чтобы понять, кто зовет: сердце отозвалось на этот голос состраданием.

– Я думала, вы спите, – сказала она, подходя к койке, что стояла под самым окном.

– Не сплю. Смотрю на вас. Вы посидите со мной?

– Меня могут вызвать.

Сказав это, Вероника все же присела на край койки.

– Если вызовут, вы уйдете, – произнес Винцент.

Его глаза беспокойно блестели от света месяца, глядящего в окно.

– Очень вам больно? – спросила Вероника.

Доктор Волков сегодня утром подтвердил, что ногу удалось сохранить, но опасность гангрены еще остается.

– Это неважно, – сказал Винцент.

– Что же тогда важно?

Он не ответил. В глазах его мерцало особенное, не от болезни происходящее волнение.

Вероника положила ладонь ему на лоб, почувствовала легкий жар. Но по сравнению с предыдущей неделей температура у него все-таки спала.

В ту неделю в боях наступил перерыв, раненых несколько дней привозили поменьше. Койку доставленного с передовой уланского капитана Лабомирского отгородили от общей палаты занавеской, и Веронике поручили его выхаживать, потому что доктор Волков надеялся спасти ему ногу, а процесс этот, по его словам, требовал постоянного попечения.

И она дежурила у кровати Лабомирского дни и ночи, почти без сна, но не чувствовала усталости, разговорами отвлекая его от боли и забытья.

Вероника думала тогда, что Винцент отвечает ей лишь машинально. Но после того как ему стало получше, выяснилось, что он помнил каждое ее слово.

Как раз сейчас это подтвердилось вновь.

– Вы получили известие от матери? – спросил он.

Вероника еще две недели назад написала в Багнич. Письмо пришлось передавать с okazji, через внучку деда Базыля, которая привезла в Пинск рыбу, и только с подобной же okazji можно было ожидать ответа.

– Да, – ответила она. – Вчера получила.

– Что она вам советует?

– Я не спрашивала у нее совета, – пожала плечами Вероника.

– Вы самостоятельная барышня.

Винцент улыбнулся. Она хотела убрать ладонь с его лба, но он быстрым и легким прикосновением удержал ее.

– Дело не в моей самостоятельности, – ответила Вероника. – Просто мы здесь находимся в прифронтовой черте, сразу же узнаем сводки, понимаем, что происходит и чего ожидать. А мама живет в глуши и питается случайными вестями. Что же она может мне посоветовать?

– Возможно, предложит приехать к ней.

– Этого точно не предложит. – Вероника покачала головой. – Все Полесье уже под немцами.

– И ваш маёнток тоже?

– Нет. Но лишь потому, что до него трудно добраться. Болота кругом.

– Тогда, быть может, вы примете мой совет?

Винцент перенес ее руку к себе на грудь. Сквозь бязь госпитальной рубахи Вероника почувствовала, как быстро и тревожно бьется его сердце. Не хотелось произносить ни слова. С трудом стряхнув сладостное оцепенение, которое охватило ее, она произнесла:

– Я слушаю вас, пан Лабомирский.

– Меня эвакуируют в Минск, – сказал Винцент.

– Знаю, – кивнула Вероника. – Доктор Волков еще позавчера предупредил, чтобы я готовила вас к эвакуации. То есть не вас одного, – быстро поправилась она. – Еще капитана Дивасовича, и поручика Малышко, и...

– Я прошу вас поехать со мной, – перебил Винцент.

Сердце у нее замерло и тут же стремительно заколотилось от его слов. Однако она произнесла ироническим тоном:

– Вы так говорите, будто предлагаете мне бежать ночью из дому. На седле перед вами, как в романе Вальтера Скотта.

– Почел бы за честь. – Винцент улыбнулся в ответ на ее иронию. Блеск в его глазах из тревожного сделался ясным и ласковым. – Но, к сожалению, в седло я теперь сяду не скоро. Поэтому мне остается лишь просить вас сопровождать мои носилки.

– Вы и сами понимаете, что это невозможно.

– Нисколько не понимаю. Почему?

– Я приняла на себя обязанности сестры милосердия. – Вероника постаралась интонацией смягчить сухость своих слов. – И должна оставаться в госпитале, пока не будет иного распоряжения.

– Но немцы вот-вот возьмут Пинск! И не останется же госпиталь при них. То есть госпиталь, наверное, останется, где-то же и немецких раненых придется лечить. Но вряд ли этим будете заниматься вы.

– Я дождусь общего распоряжения, – твердо повторила Вероника.

– Если это будет распоряжение эвакуироваться в Минск, вы его выполните?

– Конечно, я же сказала.

– В таком случае мы окажемся в Минске разом. Вероника... – Он чуть сжал ее пальцы. – Я понимаю, все это слишком скоропалительно. Но ведь война. Смогу ли позже сказать вам то, что готов сказать сейчас? Я люблю вас и прошу вашей руки – вот мои слова.

За этот краткий и бесконечный военный год Вероника поняла то же, о чем и он говорил сейчас: что само понятие времени исчезло. Через час, завтра, через год – все эти сроки уравнились, и каждый из них может не наступить никогда.

И все-таки ее охватила растерянность.

– Вы... Не обманываете ли вы себя?.. – чуть слышно проговорила она.

– Ни себя, ни вас. Если согласитесь, мы можем обвенчаться немедленно. Ведь вы католичка?

– Да.

Она кивнула машинально, и вышло, будто соглашается с немедленным венчанием.

– Я попрошу, чтобы ксендза позвали в госпиталь. Ведь в Пинске есть костел? Ну конечно есть. Ксендз придет быстро.

Вероника молчала. Да, война, да, ничего нельзя откладывать. Но замужество... Винцент нравится ей, она в него, может быть, даже влюблена, ей не с чем сравнивать, поэтому она не знает наверняка... Но связать с ним свою жизнь, и навсегда связать, перед Богом...

Наверное, он почувствовал ее колебания. Конечно, почувствовал, потому что поспешно проговорил:

– Пожалуйста, не отказывайте мне... сразу. Простите, что испугал вас таким натиском. Мне он не был свойствен, но война никого не делает лучше. Прежде я просил бы вас принять помолвочное кольцо, представил бы родителям. А теперь веду себя как...

– Ваши родители живы?

Вероника перебила Винцента, чтобы избавиться от неловкости его и себя.

– Да. – Кажется, он тоже рад был избавиться от этой их общей неловкости. – Они живут в Кракове и будут счастливы моим выбором, я уверен.

– Мой папа тоже был из Кракова. Он умер два года назад.

– Соболезную вашему горю. Вам нравится Краков?

– Я никогда там не была. Родилась в Багничках, это пятьдесят верст от Пинска. Папа хотел повезти меня в Краков, но мы были стеснены в средствах, а надо было платить за мою гимназию... К тому же он был болен, на докторов тоже требовались деньги. А потом папа умер. Надо было хлопотать, чтобы мне доучиться на казенный кошт, и мама уже собиралась... Но тут война, и я сочла, что правильнее будет оставить гимназию и пойти на курсы сестер милосердия.

Винцент молчал, глядя на нее каким-то странным взглядом. Вероника не могла понять, что означает это молчание и этот взгляд.

– Вы сама гармония... – наконец проговорил он. – Кругом кровь и хаос, мир летит в пропасть, я видел это своими глазами, ощутил собственной шкурой. Но в это перестаешь верить под светом ваших чудесных глаз. Простите мне такие банальные слова! Но глаза у вас правда чудесные. Даже цветом. Я никогда такого чистого цвета не видел. Вы, наверное, любите стихи? В нашем полку служил поэт из Петербурга, Гумилев, мы подружились, я с голоса записал несколько его стихов, хотел бы показать вам, они у меня в блокноте. «Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд и руки особенно тонки, колени обняв...» Непременно покажу! Думаю, он хороший поэт, хотя в этом могу ошибаться. Но человек точно храбрый и порядочный, тут ошибки нет. Не знаю, жив ли он. После того боя за Логишином... уланский полк не для этих клятых болот...

Вероника поняла, что Винцент устал: речь его сделалась слишком быстрой и лихорадочной, начала путаться.

– Вам надо отдохнуть, – сказала она. – И давайте помолчим, прошу вас. Наш шепот беспокоит раненых. Постарайтесь уснуть.

Вряд ли, впрочем, кого-то беспокоил шепот: тишина не устанавливалась в палате ни днем, ни ночью, раненые стонали и вскрикивали во сне.

– Да-да, – покорно произнес Винцент. – Я постараюсь. Но вы подумаете о моем предложении? Я буду ждать вашего ответа, если не здесь, то хотя бы в Минске. Проклятая война чем-нибудь да закончится. Мы поедем в Краков, я должен вам его показать. И Париж тоже. Я был там всего однажды и собирался снова. Мы можем поехать вместе, это зависит только от вас.

За окном гроыхнуло так гулко, что зазвенели стекла и даже месяц, казалось, зазвенел, забившись о стекло. Вероника вскочила.

– Мне надо идти, – поспешно сказала она.

Винцент, казалось, не обратил на гул ни малейшего внимания, хотя этот звук отличался от всех прежних, которые уже привычно было слышать.

– Не отказывайте мне, кохана моя, прошу вас! – горячо проговорил он.

– Мы после поговорим. – Вероника быстро коснулась губами его лба. – Постарайтесь уснуть.

«Вряд ли удастся», – подумала она.

А когда самой доведется поспать, уж и вовсе непонятно.

Глава 11

Перед тем как уйти с работы – сегодня отпросилась пораньше, договорившись, что Оля Меликян ее подменит, – Алеся заглянула в седьмую палату к Смирнову.

– Спасибо, Алеся, у меня все хорошо, – заверил он.

– К вечеру слабость не появляется? – все-таки уточнила она. – Голова не кружится?

У Смирнова была аритмия, давление то повышалось, то падало, и назавтра был назначен консилиум, на котором должно было решиться, лечить его консервативно или перевести в хирургию, чтобы поставить кардиостимулятор.

Алеся легко находила общий язык с любыми больными, даже с самыми капризными, и тем более с такими, как Смирнов, спокойными и деликатными.

– Голова кружится, но в меру. Везде хожу без эксцессов, – ответил он.

– Везде ходить не надо, – напомнила Алеся. – Только в туалет. На УЗИ я вас завтра в кресле отвезу.

– Завтрашний день сам о себе подумает. – Смирнов улыбнулся. – Идите домой, Алеся, не беспокойтесь. Хороших вам выходных. А у вас глаза светятся, – заметил он. – Может, и не домой идете? Может, и не одна?

– Все может быть.

Она улыбнулась тоже.

– Тогда тем более хороших выходных. Празднуйте жизнь.

Пожелание можно было считать своевременным. И в сестринской, переодеваясь, и в вагоне метро, и когда вышла на Трубную площадь, Алеся понимала, что ее улыбка вызвана именно предчувствием праздника, это Смирнов угадал.

Она пришла рано, в театр дальше вестибюля еще не пускали, но Игорь в вестибюле и ожидал.

– Спустимся в буфет? – предложил он. – Выпьем что-нибудь аутентичное. Спектакль иммерсивный, буфет должен быть соответствующий.

Что он имеет в виду, Алеся не поняла, но это лишь подогрело ее любопытство. Шампанское, ей казалось, играло даже в кончиках пальцев, а не только в бокалах, которые Игорь принес им обоим из бара, когда они спустились в подвал, где находился театральный ресторан. В московских ресторанах Алеся не бывала, да что там, не ходила даже в самые простые кафе, поэтому не могла оценить, хорош этот ресторан или плох.

Он назывался «Оливье» – оказалось, не в честь салата, а в честь повара, который этот салат когда-то придумал.

– Как раз здесь и придумал, – сказал Игорь. – В этом здании ресторан «Эрмитаж» был, знаешь? Где со Стивой Облонским обедал Левин, когда в Москву приезжал делать предложение Кити.

Можно было удивиться, что он привел именно этот пример, но Алеся не удивилась.

У нее как раз недавно случился разговор об «Анне Карениной». Узнав, что Алеся любит эту книгу, Ирина Михайловна сказала:

– Последний раз я читала ее в университете, и то лишь ради экзамена.

В ее голосе звучала такая явная неприязнь, что Алеся спросила:

– Почему?

Хотя практически все люди, которых она знала, не читали «Анну Каренину» вообще, и задавать им такой вопрос было бы даже смешно.

– Потому что не существует причин, по которым женщина может бросить своего ребенка, – отрезала Ирина Михайловна. – И я не понимаю, зачем должна читать про такую женщину.

Алеся промолчала, и этот неприятный для нее разговор прекратился. Значит, Ирина Михайловна рассказала о нем Игорю, потому тот и упомянул теперь про Левина и Облонского.

– Хочешь, оливье как раз и возьмем? – предложил он. – Или пожарские котлеты можно, тоже хороши и тоже аутентичны.

– Вы часто ходите в этот театр? – спросила Алеся.

Сама она про театр на Трубной площади никогда не слышала даже. Но мало ли про что она не слышала в Москве.

– Скорее, в этот ресторан, – ответил Игорь. – Работаю рядом, а у них бизнес-ланч хороший.

– А я в театрах вообще почти не бываю, – вздохнула Алеся.

– Ты так вздыхаешь, будто признаешься в чем-то неприличном.

– Так и есть. Не то что неприлично, но нехорошо все-таки. Столько театров в Москве, а я только раза два, может... К театру, наверное, надо с детства привыкнуть, а если не привык, то уже и не полюбишь.

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Меня в детстве по театрам, конечно, водили, как всякого московского мальчика из приличной семьи. Но как только водить перестали, я это дело прекратил. Не появилось собственного интереса. Так что теория твоя ошибочна.

– Зачем же вы меня в театр пригласили? – удивилась Алеся.

– Ну... Такую девушку, как ты, положено приглашать в театр.

Алеся хотела спросить, кем положено и что значит «такую, как ты», но ей показалось, что он произнес это с некоторым смущением, и она не стала его расспрашивать.

– Не понравится – уйдем, – сказал Игорь.

«Ну уж нет, – подумала Алеся. – В любом случае до конца досмотрю».

Но заставлять себя оставаться до конца ей совсем не пришлось. Как только, допив шампанское и съев оливье, который в самом деле оказался очень вкусным, они с Игорем поднялись в фойе и остановились перед широкой мраморной лестницей, она сразу поняла: есть здесь что-то, ощущаемое ею как близкое, хотя и совершенно непонятно почему. То ли лестница эта, то ли большие старинные зеркала, то ли...

Додумать, что это может быть, Алеся не успела. На лестнице появился веселый молодой человек и сообщил, что он будет сопровождать во время прогулки по театру тех зрителей, которым сейчас раздаст бейджи, а других зрителей будет сопровождать другой молодой человек, а третьих – третий, и так они все совершат удивительное путешествие во времени и пространстве по единственному особняку на Трубной, который сохранил свои исторические интерьеры.

Еще в ресторане, когда Игорь отходил к стойке за шампанским, Алеся заглянула в Википедию и выяснила, что означает слово иммерсивный. Так что предложенная молодым человеком программа ее не удивила.

Но все, что было дальше, удивило, и очень. Точнее сказать, ошеломило. И не какими-нибудь особенными театральными эффектами, и не игрой актеров, которая показалось ей довольно простой, а ощущением, к которому Алеся совсем не была готова.

То, что происходило в этом старинном доме – не сегодня и не в любой день, который она знала по своей жизни, а в другие, очень давние дни, – было так значительно, что собственная ее жизнь не то что не могла с этим сравниться, но даже прикоснуться к этому не могла.

Спустились в подвал, и актер, одетый по моде девятнадцатого века – Алеся не знала его фамилии и не узнала в лицо, – рассказал, что в этом подвале собирались самые страшные бандиты Москвы, потому что Трубную площадь окружала Грачевка, в которую даже днем опасно было заглядывать обычному человеку и которую Горький описал в пьесе «На дне».

– Но здесь же и тогда был дорогой ресторан? – повернувшись к Игорю, тихо спросила Алеся, пока актеры разыгрывали сценку, в которой труп случайного прохожего прямо из этого

подвала, чуть не из-под ног зрителей, сбрасывали в реку Неглинку. – Как же он в таком страшном районе находился?

– Так в любом большом городе бывает, – негромко ответил Игорь. – Я недавно в Сан-Франциско отель наугад забронировал, первый попавшийся, на одну ночь. Так еле таксиста нашел, чтобы из аэропорта туда повез, все отказывались. Улица такая, что и я бы отказался: типы какие-то мрачные бродят, марихуаной пахнет... А за углом все сияет, банки работают, бутики. Так живая жизнь и устроена, хорошо это или плохо, не знаю.

Алеся тоже не знала, хорошо или плохо, что жизнь устроена так противоречиво. Раньше она вообще не думала об этом и никаких контрастов не замечала ни в Пинске, ни даже в Минске. Москва же оказалась особенным городом, она поняла это сразу, как только сюда приехала, и с каждым днем это ощущение лишь умножалось. А сейчас, в подвале старинного особняка, оно не просто умножилось, но сделалось острым и, к Алесину удивлению, почти болезненным.

«Я не часть всего этого, – подумала она. – Ни контрастов этих, ни вообще этой жизни».

Почему ее это ранит, было непонятно. Но задумываться оказалось некогда – провожатый повел свою группу вверх, в другие комнаты этого необъятного дома. И там, в этих комнатах, в зимнем саду, в залах и на мраморных лестницах, закружилось такое действие, что Алеся едва успевала вертеть головой, чтобы ничего не пропустить.

То есть само по себе действие было понятным: плясали под низкими сводами девушки из публичного дома, который, оказывается, когда-то обрелся здесь среди множества других заведений, звучал рояль в зале, где Чайковский хотел отметить свадьбу, но вместо праздника вышел скандал, потому что на невесту он не мог смотреть без отвращения, гудела студенческая гулянка в честь Татьянинного дня, Чехов вел разговор со своим издателем Сувориным, а в главном зале, золотом и пурпурном, пел Шаляпин и зрителям поднесли шампанское...

Но не действие Алесю поразило, а возрастание того чувства, что возникло у нее сразу – огромной, какой-то очень значительной жизни, которой пронизано это пространство, и не только внутри театра, но и за его стенами.

Глава 12

Когда вышли на бульвар, голова у Алеси еще кружилась – то ли от шампанского, которым закончился иммерсивный спектакль, то ли от неутихающего волнения.

А в пространстве, сразу их окружившем, волнения не чувствовалось совсем. Апрель в этом году был теплый, лопнули почки на деревьях бульвара, а на его клумбах тюльпаны, еще не распустившись, уже приобрели цвет.

– Как он называется? – спросила Алеся.

Она хотела узнать, как называется бульвар, а вышло непонятно, будто она о тюльпанах спрашивает.

Но Игорь понял и ответил:

– Петровский.

Свободе и пространству Петровского бульвара не мешала домашняя замкнутость его контура.

– Понравилось? – спросил Игорь.

– Да, – кивнула Алеся. – Спасибо, что вы меня пригласили в этот театр. У него здание очень необыкновенное.

Не о здании хотелось сказать, а объяснить то, о чем думала весь вечер: что она не ощущает своей причастности к тому огромному и важному, что вдруг отчетливо поняла сегодня и про этот дом на Трубной, и про саму Трубную площадь, и про Петровский бульвар, и про Москву... Ко всему этому она не чувствует себя причастной, и это необъяснимо угнетает ее. Сказать-то можно... Но Алеся не понимала, как выстроить слова в таком порядке, который сам собою объяснял бы ее неясные чувства и мысли.

Ей показалось, что Игорь почувствовал заминку в ее голосе. Сейчас начнет спрашивать, что ее смущает, и придется все-таки объяснять, неумело и неловко. Но он спросил другое:

– Так и не хочешь меня на «ты» называть?

Ответ на этот вопрос тоже не казался легким, но Алеся вдруг вспомнила английские романы, которые то и дело попадались ей на глаза в квартире Ирины Михайловны, и с честностью, присущей всем их героям, хоть положительным, хоть отрицательным, ответила:

– Мне трудно называть вас на «ты».

– Почему?

Он остановился, вглядываясь в ее глаза.

– Потому что я не знаю, нужно ли это.

Второй честный ответ дался уже легче, чем первый.

– Нужно ли тебе? – уточнил Игорь.

– И мне, и вам.

– О себе могу сказать: да, нужно. О тебе – как раз и спрашиваю.

Все-таки он тоже читал английские романы, наверное. Или москвичи в подобных ситуациях честны так же, как англичане? Во всяком случае, прямо, с которой он ответил, явно не вызвала у него ни заминки, ни неловкости. И волнения в его голосе не послышалось – он просто сказал что думает, а теперь ожидает, что и она сделает то же самое.

– У меня есть... обстоятельства. Я должна их учитывать, – сказала Алеся.

– Какие обстоятельства мешают тебе называть меня на «ты»?

– Не называть мешают, а понять, нужно ли это.

– Нужно ли переходить черту доверительности?

– Да.

Все-таки хорошо, что он прямой человек. А то она так и мямлила бы, наверное.

– Ты мне когда-нибудь эти свои обстоятельства объяснишь?

– Да.

Это Алеся произнесла уже твердо, потому что это была правда. И такая правда, которую Игорь должен знать, раз уж она работает и живет у Ирины Михайловны.

– Не хочешь поужинать? – спросил он.

– Так нас ведь прямо в зале накормили, – удивилась его вопросу Алеся.

В конце спектакля зрителям действительно поднесли не только шампанское, но и закуски, которые, наверное, напоминали те, что готовил здесь когда-то повар Оливье. Угощение тоже было частью иммерсивности.

– Да я и не ем так поздно, – добавила она. И вдруг поняла: ведь Игорь приглашает ее в ресторан и вряд ли думает при этом именно о еде. Смутившись от собственной неловкости, Алеся поспешила сказать: – И домой уже пора. Ирина Михайловна знает, что я не в ночь сегодня. Будет меня ждать.

– Она уже спит.

– Откуда вы знаете?

– Позвонил ей. Предупредил, что ты в театре.

Его тон сделался отстраненным.

– В театре с вами? – помолчав, спросила она.

– Конечно. Думаешь, я должен это скрывать?

Алеся так не думала. Игорь давно разведен, и бывшая его жена давно уже замужем, а взрослый сын живет в Германии. Все это Ирина Михайловна не то чтобы рассказала ей, но как-то постепенно сообщила за те полгода, что Алеся жила в ее квартире. И отношения у матери с сыном не такие, чтобы он стал скрывать, кого приглашает в театр, это было ей понятно. И относится Ирина Михайловна к Алесе доброжелательно, и, наверное, не была бы против, если бы Игорь стал с ней спать – рассудила бы, что это лучше, чем неудачная женитьба или какие-нибудь губительные страсти. Правда, к страстям Игорь вряд ли склонен, к губительным уж точно.

«О чем я думаю? – одернула себя Алеся. – При чем здесь «спать» вообще?»

– Все-таки я пойду, – сказала она. – Завтра на работу.

– Я тебя отвезу.

– Да зачем же? Отсюда близко, я на метро.

– Постой здесь, сейчас подъеду.

Пока он ходил за машиной, Алеся думала, как же это дорого – приезжать на машине в театр и парковаться на Бульварном кольце, просто невыносимые какие-то деньги. Но когда сказала ему об этом, Игорь ответил:

– Работаю рядом, я же тебе говорил. Машина у меня на офисной парковке.

В машине Алесе показалось, что между ними возникло какое-то напряжение. Во всяком случае, она его чувствовала. Наверное, из-за того, что отказалась с Игорем ужинать.

Чтобы развеять это ощущение, она спросила:

– А где вы работаете?

– В консалтинговой фирме.

– Кем?

Последний вопрос был довольно бессмысленный. Что такое консалтинговая фирма, она не знает, так что все равно не поймет его ответ.

– Владельцем, – ответил Игорь. И догадливо добавил: – Консалтинг – это, по-русски говоря, консультации. В моем случае на рынке нефти и газа.

– Вы, наверное, в Губкинском учились, – догадалась Алеся. – У моей подруги Маргариты племянник в этом году поступает. Там конкурс какой-то несусветный. Высший балл чуть не по всем предметам требуют. И все равно без блата не поступить.

Но оказалось, что она ошиблась. Не в смысле вступительных баллов, а в смысле его биографии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.